

L. Akcunob

Сергей Тимофеевич Аксаков

Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах (Библиотека "Огонек ")

Издание 1966 года. Сохранность хорошая.

В пятый том собраний сочинений входят "Записки ружейного охотника оренбургской губернии", рассказы и воспоминания охотника о разных охотах и статьи об охоте.

Содержит цветные иллюстрации.

*Аксаков С. Т. Собрание сочинений в 5 т.
М., Правда, 1966; (библиотека «Ого-
нек»)
Том 5. — 488 с. — с. 311–424.*

Содержание

Рассказы и воспоминания о разных охотах	0004
К ЧИТАТЕЛЯМ	0004
ВСТУПЛЕНИЕ	0005
ПОЛАЯ ВОДА И ЛОВЛЯ РЫБЫ В ВОДОПОЛЬЕ	0014
ОХОТА С ЯСТРЕБОМ ЗА ПЕРЕПЕЛКАМИ	0030
ПРИЛЕТ ДИЧИ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ПТИЦ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ	0075
ЛОВЛЯ ШАТРОМ ТЕТЕРЕВОВ И КУРОПАТОК	0092
ВЫНИМАНЬЕ ЛИСЯТ	0108
ОХОТА С ОСТРОГОЮ	0121
ЛОВЛЯ МЕЛКИХ ЗВЕРЬКОВ	0139
КАПКАННЫЙ ПРОМЫСЕЛ	0153
ГОНЬБА ЛИС И ВОЛКОВ	0166
Мелкие охотничьи рассказы	0174
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СУЕВЕРИЯХ И ПРИМЕТАХ ОХОТНИКОВ	0174
СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ	0188
СТРАННЫЕ СЛУЧАИ НА ОХОТЕ	0193
НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ	0201
НОВЫЕ ОХОТНИЧЬИ ЗАМЕТКИ	0203
ПРИМЕЧАНИЯ	0208

Рассказы и воспоминания о разных охотах

К ЧИТАТЕЛЯМ

Мои «Записки об уженье рыбы» и особенно «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» были так благосклонно приняты читающей публикой, что я решился написать и напечатать все, что знаю о других охотах, которыми я некогда с горячностью занимался. Кроме удовлетворения собственной потребности — есть что-то невыразимо утешительное и обольстительное в мысли, что, передавая свои впечатления, возбуждаешь сочувствие к ним в читателях, преимущественно охотниках до каких-нибудь охот. Вот причина, заставляющая меня писать: я признаюсь в ней откровенно, а равно и в желании, чтобы книжка моя имела такой же успех, как и прежние мои охотничьи записки.

ВСТУПЛЕНИЕ

Охота, охотник!.. Что такое слышно в звуках этих слов? Что таится обаятельного в их смысле, принятом, уважаемом в целом народе, в целом мире, даже не охотниками?.. «Ну, это уж его охота, уж он охотник», — говорят, желая оправдать или объяснить, почему так неблагоприятно или так странно поступает такой-то человек, в таком-то случае... — и объяснение всем понятно, всех удовлетворяет! Как зарождается в человеке любовь к какой-нибудь охоте, по каким причинам, на каком основании?.. Ничего положительного сказать невозможно. Конечно, нельзя оспорить, что охота передается воспитанием, возбуждается примером окружающих; но мы часто видим, что сыновья, выросшие в доме отца-охотника, не имеют никаких охотничьих склонностей и что, напротив, дети людей ученых, деловых *ex professo*, никогда не слышавшие разговоров об охоте, — делаются с самых детских лет страстными охотниками. Итак, расположение к охоте некоторых людей, часто подавляемое обстоятельствами, есть не

что иное, как врожденная склонность, бессознательное увлечение. Такая мысль всего убедительнее подтверждается, по моему мнению, наблюдениями над деревенскими мальчиками. Сколько раз случалось мне замечать, что многие из них не пройдут мимо кошки или собаки, не толкнув ее ногой, не лукнув в нее камнем или палкой, тогда как другие, напротив, защищают бедное животное от обидчиц, чувствуют безотчетную радость, лаская его, разделяя с ним скудный обед или ужин; из этих мальчиков непременно выйдут охотники до какой-нибудь охоты. Один, услышав охотничий рог или лай гончих, вздрагивает, изменяется в лице, весь превращается в слух, тогда как другие остаются равнодушны, — это будущий псовый охотник. Один, услышав близкий ружейный выстрел, бросается на него, как горячая легавая собака, оставляя и бабки, и свайку, и своих товарищ, — это будущий стрелок. Один кладет приваду из мякины, ставит волосяные силья или настораживает корыто и караулит воробьев, лежа где-нибудь за углом, босой, в одной рубашонке, дрожа от дождя и холода, — это

будущий птицелов и зверолов. Других мальчигов не заставишь и за пряники это делать. Чем объяснить такие противоположные явления, как не врожденным влечением к охоте? — Обратив внимание на зрелый возраст крестьян, мы увидим то же. Положим, что между людьми, живущими в праздности и довольстве, ребячьей фантазии и склонности, часто порождаемые желанием подражать большим людям, могут впоследствии развиться, могут обратиться в страсть к охоте в года зрелого возраста; но мы найдем между крестьянами и, всего чаще, между небогатыми, которым некогда фантазировать, некому подражать, страстных, безумных охотников: я знавал их много на своем веку. Кто заставляет в осенние дождь и слякоть таскаться с ружьем (иногда очень немолодого человека) по лесным чащам и оврагам, чтоб застрелить какого-нибудь побелевшего зайца? Охота. Кто поднимает с теплого ночлега этого хворого старика и заставляет его на утренней заре, тумане и сырости, сидеть на мокром берегу реки, чтоб поймать какого-нибудь язя или голавля? Охота. Кто заставляет этого молодого

человека, отлагая только на время неизбежную работу или пользуясь полдневым отдыхом, в палящий жар, искусанного в кровь летним оводом, таскающего на себе застреленных уток и все охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота, без сомнения одна охота. Вы произносите это волшебное слово — и все становится понятно.

Оттенки охотников весьма разнообразны, как и сама природа человеческая. Некоторые охотники, будучи страстно привязаны предпочтительно к одной охоте, любят, однако, хотя не так горячо, и прочие роды охот. Другие охотники, переходя с детских лет постепенно от одной охоты к другой, предпочитают всегда последнюю всем предыдущим; но совершенно оставляя прежние охоты, они сохраняют теплое и благодарное воспоминание о них, в свое время доставлявших им много наслаждений. Есть, напротив, третий разряд охотников *исключительных*: они с детства до конца дней, постоянно и страстно, любят какую-нибудь одну охоту и не только равнодушны к другим, но даже питают к ним отвраще-

ние и какую-то ненависть. Наконец, есть охотники четвертого разбора: охотники до всех охот без исключения, готовые заниматься всеми ими вдруг, в один и тот же день и час. Такие охотники в настоящем, строгом смысле слова — ни до чего не охотники; ни мастерами, ни знатоками дела они не бывают. По большей части они делаются добрыми товарищами других охотников.

Не разбирая преимуществ одного рода охотников перед другими, я скажу только, что принадлежу ко второму разряду охотников. В ребячестве начал я с ловли воробьев и голубей на их ночевках. Несмотря на всю ничтожность такой детской забавы, воспоминание о ней так живо в моей памяти, что, признаюсь, и на шестьдесят четвертом году моей жизни не могу равнодушно слышать особенного, торопливого чиликанья воробья, когда он, при захождении солнца, скачет взад и вперед, перепархивает около места своего ночлега, как будто прощаясь с божьим днем и светом, как будто перекликаясь с товарищами, — и вдруг нырнет под застреху или желоб, в щель соломенной крыши или в дупло

старого дерева. — От ловли воробьев на ночевках перешел я к ловле других мелких птичек волосяными сильями, натыканными в лубок, к ловле конопляными необмолоченными снопами, опутанными веревочкой с сильями, и, наконец, к ловле разными лучками из сетки. Потом пристрастился я к травле перепелок ястребами и к ловле перепелов сетью на дудки. Все это на некоторое время заменила удочка; но в свою очередь и она была совершенно заменена ружьем. Единовластное владычество ружья продолжалось половину моего века, тридцать лет; потом снова появилась на сцене удочка, и, наконец, старость, а более слабость зрения, хворость и лень окончательно сделали из меня исключительного рыбака. Но я сохраняю живое, благодарное воспоминание обо всех прежних моих охотах, и мои статьи о них служат тому доказательством.

Все охоты, о которых я упоминал: с ружьем, с борзыми собаками, с ястребами и соколами, с тенетами и капканами за зверями, с сетями, острогою и удочкой за рыбою и даже с *поставушками* за мелкими зверьками, —

имеют своим основанием ловлю, добычу; но есть охоты, так сказать, бескорыстные, которые вознаграждаются только удовольствием: слушать и видеть, кормить и разводить известные породы птиц и даже животных; такова, например, охота до певчих птиц и до голубей. Первые по крайней мере веселят слух охотников пением, но вторые и этого удовольствия доставить не могут: иногда только услышишь их голос, то есть глухое воркованье. Но я знавал страстных охотников до голубей всех возможных пород: бормотунов, двухохлых, турманов, мохноногих горлиц и египетских голубей. Эти охотники проводили целые дни на голубятне, особенно любясь на голубей мохноногих, у которых мохры, то есть перья, выросшие из ног, до трех вершков длиною, торчали со всех сторон и даже мешали им ходить. Теперь редко встретишь охотников до этих сортов голубей, но в городах и столицах еще водятся охотники до голубей чистых или гонных, особенно до турманов, гоньба которых имеет свою красоту. Быстроносясь кругами в высоте, стая гонных, или чистых, голубей то блестит на солнце яркой

белизной, то мелькает темными пятнами, когда залетит за облако, застывающее стаю от солнечных лучей. Турманы имеют особенное свойство посреди быстрого полета вдруг свертывать свои крылья и падать вниз, перевертываясь беспрестанно, как птица, застреленная высоко на лету: кувыркаясь таким образом, может быть, сажен десять, турман мгновенно расправляет свои легкие крылья и быстро поднимается на ту же высоту, на которой кружится вся стая. Такие проделки очень живописны, всякий посмотрит несколько минут с удовольствием на эту живую картину; но охотники с увлечением смотрят на нее по нескольку часов сряду, не давая садиться усталым голубям на родимую крышу их голубятни.

Содержание непевчих птиц и даже некоторых из пород дичи в больших клетках или садках имеет уже особого рода прелесть, которая может быть понятна только людям, имеющим склонность к наблюдениям над живыми творениями природы: это уже любознательность.

Несмотря на увлечение, с которым я всегда

предавался разного рода охотам, склонность к наблюдению нравов птиц, зверей и рыб никогда меня не оставляла и даже принуждала иногда, для удовлетворения любопытства, жертвовать добычею, что для горячего охотника не шутка.

Воспоминание обо всем этом доставляет мне теперь живейшее наслаждение, и поделиться моими воспоминаниями с охотниками всех родов — сделалось моим постоянным желанием. Может быть, мой пример возбудит и в других такое же желание. Сколько есть опытных охотников на Руси, круг действия которых был несравненно обширнее моего! Сколько любопытных сведений и наблюдений могли бы сообщать они! Кроме того, что издание таких сведений и наблюдений составило бы утешительное, отрадное чтение для охотников, оно было бы полезно для естественных наук. Только из специальных знаний людей, практически изучивших свое дело, могут быть заимствованы живые подробности, недоступные для кабинетного ученого.

ПОЛАЯ ВОДА И ЛОВЛЯ РЫБЫ В ВОДОПОЛЬЕ

Одно из любимых удовольствий русского народа — смотреть на разлив полой воды. «Река тронулась...» — передается из уст в уста, и все село, от мала до велика, выхлынет на берег, какова бы ни была погода, и долго, долго стоят пестрые, кое-как одетые толпы, смотрят, любуются, сопровождая каждое движение льда своими предположениями или веселыми возгласами. Даже в городах, например в Москве, когда тронется мелководная Москва-река, все ее берега и мосты бывают усыпаны народом; одни сменяются другими, и целый день толпы зрителей, перевесившись через перилы мостов, через решетки набережной, глядят — не наглядятся на свою пополневшую Москву-реку, которая в водополье действительно похожа на порядочную реку. В самом деле, вид большой тронувшейся реки представляет, в это время года, не только величественное, но странное и поразительное зрелище. Около полугода река как будто не существовала: она была продолжением снеж-

ных сугробов и дорог, проложенных по их поверхности. По реке ходили, ездили и скакали, как по сухому месту, и почти забыли про ее существование, и вдруг — широкая полоса этого твердого, неподвижного, снежного пространства пошевелилась, откололась и пошла... пошла со всем, что на ней находилось в то время, с обледеневшими прорубями, навозными кучами, вехами и почерневшими дорогами, со скотом, который случайно бродил по ней, а иногда и с людьми! Спокойно и стройно, сначала сопровождаясь глухим, но грозным и зловещим шумом и скрипом, плывет снежная, ледяная, бесконечная, громадная змея. Скоро начинает она трескаться и ломаться, и выпираемые синие ледяные глыбы встают на дыбы, как будто сражаясь одна с другою, треща, и сокрушаясь, и продолжая плыть. Потом льдины становятся мельче, реже, исчезают совсем... река прошла!.. Освобожденная из полугодового плена мутная вода, постепенно прибывая, переходит края берегов и разливается по лугам. Такое зрелище представляет река большая; но мелкие реки, очищаясь от льда исподволь, *проходят* неза-

метно; только в полном своем разливе, обогащенные водою соседних оврагов и лесов, затопив низменные окрестности, образовав острова и протоки там, где их никогда не бывало, веселят они несколько времени взоры деревенских жителей. Зато мельничные проточные пруды и спуск полой воды в вешники, представляя искусственные водопады, вознаграждают быстротой, шумом и пеной падающих вод скудность их объема.

Вскрытие реки, разлив воды, спуск пруда, заимка — это события в деревенской жизни, о которых не имеют понятия городские жители. В столицах, где лед на улицах еще в марте сколот и снесен, мостовые высохли и облака пыли, при нескольких градусах мороза, отворачиваются северным ветром, многие узнают загородную весну только потому, что в клубах появятся за обедом сморчки, которых еще не умудрились выращивать в теплицах... но это статья особая и до нас не касается.

В продолжение водополя рыболовство, по небольшим рекам, производится особенным образом, о котором я и намерен говорить. Как

скоро река прошла, но еще не выступала из берегов, сейчас начинается *первая* ловля рыбы «наметкой», которая есть не что иное, как всем известный глубокий сак с мотней, то есть мешок, похожий на вытянутый колпак из частой сетки, но не круглый и пришитый к деревянной треугольной раме, крепко утвержденной на длинном шесте. Известно, что во время прибывающей полой воды рыба идет вверх. Покуда река не разлилась — она держится около берегов, а когда вода разольется по поймам, рыба также разбредется по полям. Итак, береговой лов наметкою продолжается весною только до тех пор, покуда река не вышла из берегов, и повторяется тогда, когда начнет вода вбираться в берега. Этот лов повторяется всякий раз, когда река от проливных дождей прибудет и сравняется с берегами; чем мутнее, грязнее вода, тем лучше. Наметки бывают *одиночные* (поменьше) и *двойные* (побольше); с одиночною может управляться один сильный человек, а с двойною — непременно двое. Быстрое течение затрудняет ход рыбы, сносит ее вниз, а потому она жметя предпочтительно к тем местам бере-

га, где вода идет тише: на этом основан лов наметкой. Рыбак, стоя на берегу, закидывает наметку (сетка которой сейчас надувается водою) как можно дальше, опускает бережно на дно, легонько подводит к берегу и, прижимая к нему плотно, но не задевая за неровности, вытаскивает наметку отвесно, против себя, перехватывая шест обеими руками чем ближе к сетке, тем проворнее. Очевидно, что тут, кроме ловкости, надо много силы: быстрое течение сносит наметку вниз, для чего иногда нужно конец шеста положить на плечо, чтоб на упоре легче было прямо погрузить наметку в воду: ибо наметка должна идти прямо поперек реки и разом всеми тремя сторонами рамы прикоснуться к стенам берега, чтоб захватить стоящую возле него рыбу. Если как-нибудь течением воды наметку заворотит и она боком или краем ударится в берег, рыба от берега бросится в противную сторону, испугает и увлечет за собою всю другую рыбу, около стоявшую, хотя бы она и не видала, отчего происходит тревога, — и в таком случае здесь поймать уже нельзя ничего. Мутность воды мешает рыбе видеть приближение ры-

боловной снасти, и наметка загребают, так сказать, в свой кошель всякую рыбу, которая стояла у берега на этом месте. Обыкновенно попадаются щучки, окуни, ерши, плотва, по большей части мелкая, но иногда захватываются другие породы рыб, довольно крупные. В реках и речках, изобильных рыбою, крутоберегах, узких, особенно в верховьях больших прудов, в эту пору года можно и наметкой наловить множество рыбы. Весело вытряхивать на снег или на оттаявший берег тяжелую наметку, нагруженную в мотне рыбою, разнообразие которой особенно приятно. Тут и щука — голубое перо, и полосатый окунь, и пестрый ерш, до того уродливо полный икрой, что точно брюшко и бока его набиты угловатыми камешками. Тут и многие другие, золотистые, серебристые, проворные, красивые, давно не виданные охотником жители водяного царства!

Но вот летняя теплая туча засинела на юго-западном крае горизонта, брызнули дождевые капли... гром... и полился дождь... Пора обмыть землю, выходящую из-под снега, опутанную тенетниками, или паутинами, пора

растопить и согнать последние снежные, обледенелые сугробы! Тронулись большие овраги, подошла лесная вода, бегут потоки, журчат ручьи со всех сторон в реку — и река выходит из берегов, затопляет низменные места, и рыба, оставляя бесполезные берега, бросается в полои. Наметка уже не годится: пришла пора употреблять другие рыболовные снасти. Эти снасти: морды, или верши, вятели,[1] хвостуши. Морда (нерот, или нарот — по-московски, или верша — по-тульски) есть не что иное, как плетенный из ивовых прутьев круглый, продолговатый мешок или боценок, похожий фигуною на растопыренный колпак; задняя часть его кругловата и крепко связана, к самому хвосту прикреплен камень, а передняя раскрыта широко, четверугольною квадратною рамою, в аршин и даже в аршин с четвертью в квадрате.[2]

Внутри этой отверстой стороны выплетено, из прутьев же, горло в виде воронки, для того чтобы рыбе войти было удобно, а назад выйти нельзя.

Для ставленья морд в полуую воду приготавлиются места заранее в *межень*, как гово-

рится. Известно, по каким низменностям будет разливаться вода, а потому на ложбинках, небольших долочках и в неглубоких овражках, всегда на ходу рыбы, набиваются колья и заплетаются плетнем, шириною от одной сажени до двух и более, смотря по местности, поверх которого и сквозь который вода проходит, но рыба, кроме малявки, то есть самой мелкой, сквозь пройти не может. В середине этого плетня оставляются одни, иногда двое ворот, или дверей (в аршин или аршин с четвертью шириною), в которые вставляются морды, прикрепленные к шестам; два хода, или отверстия, оставляются иногда для того, чтобы можно было ставить одну морду по течению, а другую против течения воды: рыба идет сначала вверх, а потом, дойдя до края разлива, возвращается назад и будет попадать в морды в обоих случаях. Когда же вода пойдет на убыль, то все морды и другие снасти в этом роде ставятся против ската воды, то есть против течения. Места в полях между кустами, устья ручейков, суходолов и вообще всякое углубление земли, сравнительно с прочею местностью, считаются самыми вы-

годными местами. В такие морды с загородками попадает всякая рыба без исключения, не только крупная, но и мелкая, потому что сквозь плетеный нерот не может пролезть и плотичка. Морды, или нероты, ставят и без плетней, даже без шестов, на одних веревках, но это уже не весенний лов.

Вятедь, вентель, или крылена, как зовут его в низовых губерниях, фигурую — совершенно длинная морда, только вместо прутьев на основании деревянных обручей обтянута частой сеткой и, сверх того, по обоим бокам раскрытой передней части имеет крылья, или стенки, из такой же сетки, пришитые концами к кольям; задняя часть или хвост вятедя также привязан к колу, и на этих-то трех главных кольях, втыкаемых плотно в землю, крылена растягивается во всю свою ширину и длину. Ее ставят по залитым водою местам, предпочтительно тихим, имеющим ровное дно. Название *крылена* очень выразительно, потому что боковые ее стенки из сети, заменяющие плетень около морды, имеют вид растянутых крыльев: общая фигура снасти представляет разогнутую широко подкову.

Крылены имеют ту выгоду, что для них не нужно готовить мест заранее, набивать колья и заплетать плетни, что их можно ставить везде и переносить с места на место всякий день: ибо если рыба в продолжение суток не попадает, то это значит, что тут нет ей хода; но зато на местах, где вода течет глубоко и быстро, вятель, или крылену, нельзя ставить, потому что ее может снести сильным течением и может прорвать, если по воде плывут какие-нибудь коряги, большие сучья или вымытые из берега корни деревьев. Морду можно поставить на узком и на довольно глубоком месте (заранее приготовленном), потому что рыба идет по дну; но крылена становится не глубже полутора аршина, а иногда и гораздо мельче, притом на местах пологих и широких, где бы могли растянуться ее крылья. И морду и крылену можно ставить с лодки, хотя это и не так ловко; но русские люди не боятся простуды (за что нередко дорого расплачиваются) и обыкновенно бродя в воде, иногда по горло, становят свои рыболовные снасти. Морда утверждена, то есть крепко привязана, в двух местах снаружи к шесту, который про-

ходит посередине отверстием стороны и, будучи длиннее вершка на три нижнего края морды, плотно втыкается в дно. Крылена привязана к трем главным кольям и еще к двум, так сказать, вспомогательным, находящимся посередине крыльев, имеющих в длину каждое до двух и более аршин; два вспомогательные колышка, поменьше главных, служат крыльям для лучшего растягиванья и сопротивленья течению воды. Все пять колеи крепко втыкаются в мягкое дно. — В крылены попадает, так же как в морды, всякая рыба, иногда в таком количестве и такая крупная, что сетка разрывается или даже выскакивают колья, на которых утверждена крылена. В водополь очень ловко перебивать несколькими вятелями какой-нибудь значительный залив воды в узком его месте. Крылены ставят одну возле другой плотно, крыло с крылом, наблюдая, чтоб одна крылена стояла по течению, или ходу, воды, а другая — напротив, очевидно с тою целью, чтобы рыба — вперед ли, назад ли идет она — попадала в расставленные снасти.

Хвостуша уже названием своим показыва-

ет, что должна иметь длинный хвост. Это род морды; она также сплетена из прутьев, только не похожа фигурой своей на бочонок, имеющий в середине более ширины, на который похожа морда. Хвостуша от самого переднего отверстия, которое делается и круглым, и овальным, и четверугольным, все идет к хвосту уже и связывается внизу там, где оканчиваются прутья, кончики которых не обрубают; бока хвостуши в трех или четырех местах, смотря по ее длине, переплетаются вокруг поперечными поясами из таких же гибких прутьев, для того чтоб вдоль лежащие прутья связать плотнее и чтоб рыба не могла раздвинуть их и уйти. Хвостуша всегда бывает длиннее морды, и прутья, для нее употребляемые, потолще; к хвосту ее, и также к двум концам нижней стороны привязываются довольно тяжелые камни для погружения и плотного лежанья хвостуши на дне, ибо она ничем другим на нем не утверждается; к тому же ставится всегда на самом быстром течении, или, лучше сказать, падении, воды, потому что только оно может захлестать, забить рыбу в узкую часть, в хвост этой простой сна-

сти, где, по тесноте, рыбе нельзя поворотиться и выплыть назад, да и быстрина воды мешает ей сделать поворот. Мне случалось видеть хвостуши, до того полные рыбами, что задние или последние к выходу не уместались и до половины были наружи. Самое выгодное место для ставленья хвостуш — крутой скат воды, и самое выгодное время — спуск мельничных прудов, когда они переполняются вешнею водою, особенно если русло, по которому стремится спертый поток, покато. Я живо помню эту ловлю в моем детстве: рыбы в реке, на которой я жил, было такое множество, что теперь оно кажется даже самому мне невероятным; вешняка с затворами не было еще устроено, в котором можно поднимать один запор за другим и таким образом спускать постепенно накапливающуюся воду. Вешняк запружали наглухо, когда сливала полая вода, а весной, когда пруд наливался как полная чаша и грозил затопить плотину и прорвать, раскапывали заваленный вешняк. Вода устремлялась с яростью и размывала прошлогоднюю запрудку до самого дна, до материка. Сильная покатость ме-

стоположения умножала водную быстрину, и я видал тут такую ловлю рыбы хвостушами, какой никогда и нигде не видывал после. Во всю ширину течения, в разных местах, вколачивали заранее крепкие колья; к каждому, на довольно длинной веревке, привязывалась хвостуша так, чтобы ее можно было вытаскивать на берег не отвязывая. Впрочем, иногда веревка оканчивалась глухой петлей и надевалась на кол. Рыба, которая шла сначала вверх, доходя до крутого падения воды, отбивалась стремлением ее назад, а равно и та, которая скатывалась из пруда вниз по течению (что всегда бывает по большей части ночью), попадала в хвостуши, которые хотя не сплошным рядом, но почти перегораживали весь поток. Рыбы вваливалось невероятное множество и так скоро, что люди, закинув снасти, не уходили прочь, а стояли на берегу и от времени до времени, через полчаса или много через час, входили по пояс в воду, вытаскивали до половины набитые хвостуши разной рыбой, вытряхивали ее на берег и вновь закидывали свои простые снасти. На берегу была настоящая ярмарка: крик, шум, разговоры и

беготня; куча баб, стариков и мальчишек таскали домой лукошками, мешками и подолами всякую рыбу; разумеется, немало было и простых зрителей, которые советовали, помогали и шумели гораздо более настоящих рыбаков. Все это довершалось ревом падающей воды, с шумом, пеной и брызгами разбивающейся о крепкое дно и колья с привязанными хвостушами. Много попадалось очень крупных головлей, язей, окуней, линей (фунтов по семи) и особенно больших щук. Я сам видел, как крестьянин, с помощью товарища, вытащил хвостушу, из которой торчал хвост щуки: весу в ней было один пуд пять фунтов, Не могу понять, как такая огромная и сильная рыба не выкинулась назад? Должно предположить, что стремление воды забило ее голову в узкий конец хвостуши, где она ущемилась между связанными прутьями и где ее захлестало водой; сверх того, натискавшаяся по бокам щуки другая рыба лишала ее возможности повернуться. Хвостуши, оставляемые на ночь, то есть часов на шесть, набивались рыбою только на четверть не вровень с краями, но сверху обыкновенно была мелкая

плотва: вероятно, крупная рыба выскакивала.

Во время самого разлива полой воды щуки мечут икру и выпускают молоки; в продолжение этой операции они ходят поверху одна за другою, иногда по нескольку штук. Заметив места, около которых они трутся — всегда в траве или кустах по полоям, — охотник входит тихо в воду и стоит неподвижно сбоку рыбьего хода с готовою острогою, и, когда щуки подплывут к нему близко, бьет их своим нептуновским трезубцем, который имеет, однако, не три, а пять и более зубцов, или игл с зазубринами. В это же время стреляют щук из ружей крупною дробью, потому что щуки ходят высоко и не только спинное перо, но и часть спины видна на поверхности. И острогой и ружьем добывают иногда таких огромных щук, какие редко попадаются рыбакам в обыкновенные рыболовные снасти, и если попадают, то снасти не выдерживают.

ОХОТА С ЯСТРЕБОМ ЗА ПЕРЕПЕЛКАМИ

«Будите охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, зело потешно, и угодно, и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякие. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте не лениво и бескучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу.

О славные мои советники и достоверные и премудрые охотники! Радуйтесь и веселитесь, утешайтесь и наслаждайтесь сердцами своими добрым и веселым сим утешением в предыдущие лета!»

(Древ. рос. Вивлиофика, ч. III, книга «Урядник сокольничья пути»).

Хотя содержание сей статьи положительно объясняется ее названием, но я хочу предварительно сказать несколько слов о ястребах вообще. Все хищные птицы высшего, среднего и даже низшего разряда могут быть разделены на две породы: соколиную и ястребиную. Принадлежащие к первой ловят свою

добычу, устремляясь, *падая* на нее с высоты, для чего им необходимо подняться на известную меру вверх. Принадлежащие же к породе ястребиной, напротив, ловят свою добычу в угон, то есть находясь с ней в одинаковом горизонтальном положении, гонятся за ней и, по резвости своего полета, догоняют. У нас речь идет о последних. — Ястреба разделяются, по их величине, на три рода. Самые большие, достигающие величинны крупной индейки, называются *гусятниками*, потому что *берут*, то есть ловят, диких гусей. Такими ястребами, попадающимися довольно редко, можно травить зайцев и даже лисиц. Я имел одного такого ястреба уже двух осеней, которого, как диковинку, привез моему отцу один башкирец. Он рассказывал, что затравил им двух лис, чему очень можно было поверить, судя по силе и жадности птицы. Я прошу позволения у читателей рассказать судьбу этого ястреба: он был чисторябый, то есть светло-серый, и так тяжел, что и сильный человек не мог его долго носить на руке. Башкирцы охотятся с такими ястребами, а чаще с беркутами, всегда верхом и возят их на палке, кото-

рая приделывается к седельной луке. По несчастью, этот редкий ястреб жил у нас очень недолго. Мы затравили им только двух беяков, которых сошли по первой октябрьской пороше, и для опыта затравили русского гуся, привыкшего хорошо летать. Вот как было это сделано: стая дворовых гусей повадилась ежедневно ходить пешком на господское гумно, стоявшее на довольно высокой горе; накушавшись досыта и находя неудобным и затруднительным сходить вниз с крутой горы с полными зобами, которые и на ровном месте перетягивают их вперед, гуси обыкновенно слетали с горы и опускались прямо на житный двор. В урочное время я поставил охотника с ястребом за хлебную кладью, у самого того места, где гуси должны были слетать с горы, а сам зашел сзади и погнался гусей, которые, ковыляя и падая, дошли до спуска с горы и поднялись; ястреб бросился, свалился с одним гусем и, к общему нашему удовольствию, сладил с ним без всякого труда. Мы не дали ястреба в обиду другим гусям (без чего они бы забили его крыльями и заципали бы своими носами) и накормили на добыче до

отвала. Несмотря на то, что эта славная хищная птица жила у нас только две недели, с ней случилось диковинное приключение: была у нас летняя кухня на острове, в которой давно уже перестали готовить; в эту кухню, на толстой колодке, стоявшей посредине кирпичного пола, сажали на ночь этого большого ястреба. Охотник, которому был он отдан на руки, приходит однажды поутру и видит, что ястреб, привязанный должником к колодке, стащил ее с места, сидит, распутив крылья, в углу и держит в когтях огромную сову, еще живую. Испугавшись, не испортила ли она ястреба, охотник прибежал сказать об этом мне; мы с отцом пришли немедленно и нашли ястреба в том же положении. С большим трудом вынули из его когтей очень большую, почти белую сову, которая тут же издохла; на ястребе никаких знаков повреждения не оказалось. Если б я не сам видел этот диковинный случай — я бы не вдруг ему поверил; кухня была заперта; кроме трубы, которая оказалась не закрытою, другого отверстия в кухне не было; должно предположить, что сова попала в кухню через трубу для дневки и что

она залетела недавно, на самом рассвете, но как поймал ее ястреб, привязанный на двухаршинном должнике, — придумать трудно; во всяком случае жадность, злобность и сила ястреба удивительны. Я даже был уверен, что никакой ястреб не кинется и не возьмет совы, особенно большой, потому что она сама вооружена длинными острыми когтями. Охотники наши думали, что сова сама напала на ястреба, но такое предположение невероятно. Через несколько дней после приключения с совой наступила оттепель, снег совершенно сошел, сделался отличный узерк, и я послал охотника с ястребом верхом поискать в наездку русаков, которые тогда совершенно выцвели, а сам поехал стрелять тетеревов. Охотник, поездив несколько времени по горам и полям и не найдя нигде зайцев, сделал соображение, что они все лежат в лесу; а как на беду он взял с собой ружье, то, подъехав к лесу, привязал на опушке лошадь к дереву, посадил ястреба на толстый сучок, должник привязал к седлу, а сам отправился стрелять в лес зайцев. Очевидно, что все это было сделано крайне глупо, и вот какие вышли послед-

ствия: лошадь, вероятно, чего-нибудь испугалась, оторвала повод, стащила ястреба с сучка и ускакала; только к вечеру воротилась она домой. Несчастный ястреб был еще жив, но с вытянутыми и вывихнутыми ногами; через сутки он издох... Так жалостно и совершенно даром погибла эта редкая хищная птица. Я видел потом еще двух ястребов-гусятников; оба были меньше моего и гораздо темнее пером.

Второго рода ястреба (вдвое меньше первых) называются *утятниками*, потому что ими обыкновенно травят уток. Надобно сказать правду, что охота с большими ястребами, гусятниками и утятниками, — охота пустая и малодобычливая, особенно с последними. Для травли ястребами необходимо условие, чтобы птица поднималась близко, иначе они не могут ее догнать; утки же всегда сидят на воде или на берегу воды, в которую сейчас могут броситься, а ястреба никакой плавающей птицы на воде не берут и брать не могут. Итак, травля уток производится по маленьким речкам или ручьям и озеркам, находящимся в высоких берегах, для того, чтоб охот-

ник мог подойти очень близко к утке, не будучи ею примечен, и для того, чтоб лет ее продолжался не над водою; если же ястреб схватит утку и она упадет с ним в воду, то редко можно найти такого жадного ястреба, который не бросил бы своей добычи, ибо все хищные птицы не любят и боятся мочить свои перья, особенно в крыльях, и, вымочивши как-нибудь нечаянно, сейчас распускают их как полузонтик и сидят в укромном месте, пока не высушат совершенно. Очевидно, что травля уток без особенной, удобной местности невозможна. Иногда травят утятниками молодых тетеревов, но для того необходимо, чтобы выводка находилась в чистом поле; травить же в редколесье неудобно, потому что ястреб может убиться об дерево, чего он сам по инстинкту так боится, что, бросившись за тетеревенком и увидя перед собой даже редкие деревца, сейчас взмлет кверху или возьмет в сторону. Притом *помешавшийся* молодой тетерев летит очень проворно, и ястреб догонит его только в таком случае, если он поднимется очень близко. Из всего сказанного мною следует, что травля уток и тетеревов

не может быть добычлива. Совсем другое представляет охота за перепелками с мелкими ястребами третьего разряда, которые и называются *перепелятниками*; об них и об охоте с ними поговорю я подробно.

Я уже сказал, что ястреба-гусятники — большая редкость, так что немногим охотникам удавалось видеть их на воле; утятники попадаютя чаще, а перепелятников деревенские жители видят по несколько раз в день или по крайней мере замечают эффект, производимый появлением или присутствием ястреба-перепелятника, которого часто глазами и не увидишь. Эффект состоит в том, что вся дворовая и около дворов живущая птица закричит всполошным криком и бросится или прятаться, или преследовать воздушного пирата: куры поднимут кудяхтанье, цыплята с жалобным писком побегут скрыться под распущенные крылья матерей-наседок, воробьи зачирикают особенным образом и как безумные попрячутся куда ни попало — и я часто видел, как дерево, задрожав и зашумев листьями, будто от внезапного крупного дождя, мгновенно прятало в свои ветви целую

стаю воробьев; с тревожным пронзительным криком, а не щебетаньем, начнут черкать ласточки по-соколиному, налетая на какое-нибудь одно место; защекочат сороки, закаркают вороны и потянутся в ту же сторону — одним словом, поднимется общая тревога, и это наверное значит, что пробежал ястреб и спрятался где-нибудь под поветью, в овине, или сел в чащу зеленых ветвей ближайшего дерева. Иногда так и не увидишь ястреба. Он переждет тревогу, весьма ему невыгодную, потому что она предупреждает о нем тех птиц, которые могли бы сделаться его добычей, да, вероятно, надоедает и пугает его весь этот писк, крик, шум и преследованье, — переждет и улетит! Но я всегда любил такие явления общей суматохи, всегда стерег вылет ястреба из его убежища и часто видал, как он, то быстро махая крыльями, то тихо плывя, промелькнет и скроется в кустах уремы или в ближайшем лесу.

Все, что я стану говорить о наружном виде ястребов-перепелятников, об их выкармливанье, вынашиванье и проч., совершенно прилагается и к двум первым родам. Перепелят-

ники, пером светло-серые, называются *чисто-рябыми*; они бывают посветлее и потемнее. Оренбургские охотники приписывают это различие в пере (то есть в цвете ястребиной *крыши*) влиянию деревьев, на которых они вывелись, и потому светлых называют *березовиками*, а темных — *дубовиками*. Ястреба коричнево-пестрые называются *красно-рябыми*, их гнезда всегда находятся на ольхах, а потому их зовут *ольшняками*. Надобно заметить, что они мельче других ястребиных пород. Хотя странно приписывать цвет перьев птицы тому дереву, на котором она вывелась, и хотя я всегда плохо этому верил, но я должен сознаться, что несколько опытов, сделанных мною самим, подтверждают мнение охотников. — Самка перепелятника (как у всех хищных птиц) гораздо больше и сильнее *чеглика*, то есть самца, который для травли не употребляется по своей малосильности и стомчивости. Я пробовал воспитывать и вынашивать перепелятников-чегликов: они в выноске гораздо понятнее и повадливее самок. Я травил ими воробьев и всяких мелких птичек, даже перепелок; но чеглик-перепелятник

так слабосилен, что легкую перепелку не угодит, а с сытой старой едва сладит и нередко выпускает ее из когтей. Поршков перепелиных он ловит хорошо и то не помногу. Поймав штук пять-шесть, он уже и их не догоняет и даже не летит с руки, на которую присядет, если очень устал. Чегликов-утятников употребляют иногда для травли перепелок, но это имеет свои неудобства: для перепелки он слишком силен и, поймав ее, не вдруг опускается на землю. В книге «Урядник сокольничья пути» царя Алексея Михайловича, которую всякий охотник должен читать с умилением, между прочим сказано: «Добровидна же и копцова добыча и лет. По сих доброутешна и приветлива правленных (то есть выношенных) ястребов и челигов (то есть чегликов; иногда называются они там же *чеглоками*) ястребьих ловля; к водам рыщение, ко птицам же доступание». Из сих немногих строк следует заключить: 1) что копцов вынашивали и что ими травили, чего я и другие мне известные охотники никак добыться не могли и признали их к ловле неспособными; 2) что *ястребьи челиги*, то есть ястребиные чеглики,

употреблялись для охоты точно так же, как и самки; но должно думать, что это были ястреба большие, а не перепелятники. Последнее доказывается словами: «к водам рыщение», а равно и тем, что перепелок никогда около Москвы, в достаточном числе для охоты, не бывало, да и быть не могло. Следственно, речь идет о травле уток, вероятно мелких чирков, к чему чеглики-утятники могут быть пригодны.

Ястреба вьют, или кладут, свои гнезда в лесу из мелких прутьев, на толстых деревьях, всегда на одном из главных сучков и близ самого древесного ствола; самки кладут по четыре, а чаще по три яйца; во всякой выводке есть один чеглик. Охотники заранее осматривают леса, особенно те места, где выводились прежде ястреба, и по разным признакам знают наверное, где именно находится гнездо; но близко к нему до вывода молодых не подходят, потому что самка бросит яйца. Время выемки ястребов из гнезд зависит от охотников: кто из них не скучает уходом за маленькими ястребятами, для корма которых нужно мясо мелко рубить, тот вынимает молодых в пуш-

ку; такие ястребятя ручнее, и вынашивать их легче; но многие охотники утверждают, что они бывают тупее, то есть не так жадны, резвы и сильны, как ястребятя оперившиеся, которых ловить уже приходится силом на длинной лутошке, потому что, когда человек влезет на дерево, — они распрыгаются по сучьям. Хотя я выкармливал ястребят разных возрастов, но как это случалось в разные годы, то я как-то не замечал разницы в их качествах; но что касается до слетков, то есть до молодых ястребов, слетевших с гнезд, заловивших на воле и пойманных потом в *кутню*, [3] то я утвердительно могу сказать, что они гораздо лучше гнездарей, но зато и вынашивать их гораздо труднее. Вынутых ястребят сажают в просторную клетку из прутьиков или из сетки, а если они очень малы, то сначала кладут в круглое лукошко, в котором они, как в гнезде, станут сидеть смирно, плотно прижавшись друг к другу; даже кормят их из рук рубленным свежим мясом каких-нибудь птиц: голуби и воробьи считаются самою здоровою пищею, которою можно скоро поправить слишком исхудавших ястребов, нателить, говоря по-

охотничьи. Впрочем, можно давать баранину, говядину, телятину и зайчатину, если она случится. Когда ястреба подрастут, то дается каждому, чтобы они не дрались между собою, по особому куску мяса, всегда один раз в сутки, и если это мясо будет птичье, то непременно с перьями и костями. Изобильный корм, особенно парным мясом только что убитой птицы, — самое верное средство вырастить хороших ястребов: они будут *родны* (велики), сильны, выведут перья ровно, отчего летают резвее и поспевают ранее к охоте. Я знавал таких охотников, у которых ястреба не только получали корм неточно, несвоевременно, но дня по два иногда постились. У таких ястребов всегда бывают на стволах хвостовых перьев пережабины беловатого цвета и самые перья как будто помяты, надломлены и взъерошены; эти знаки называются *заморами*. Если их много — ястреб туп на лету. В клетке надобно сделать нащестки или поставить колодки для ночевки и отдельного сиденья ястребят после корма; последнее нужно для того, чтобы они как-нибудь не подрались между собою и не помяли полных

пищею зобов, что бывает для них иногда даже смертельно. Зоб просиживается часов в восемь, то есть пища разлагается и спускается из зоба в кишки, после чего скидывается ястребами так называемая *погадка*, которая есть не что иное, как перышки, косточки и жилки, все неудобосваримое из проглоченного мяса, свернувшееся в продолговатый, овальный сверточек, извергаемый ежедневно хищными птицами ртом. Когда ястреб скинул *погадку*, можно идти с ним в поле на охоту; до совершения же этой операции даже вольные хищные птицы, как утверждают охотники, ничего не ловят и не едят. Нужно также, чтобы в клетке постоянно стояло корытце с водой, ежедневно переменяемой; в жары ястреба часто пьют и купаются, что способствует их здоровью, чистоте и скорой переборке перьев. Хотя в гнезде и на сучьях выводного дерева нечего им пить и негде купаться, но слетевшие с гнезд и старые ястреба любят и то и другое во время летнего зноя.

Наконец, пришло время, обыкновенно в половине или исходе июля, *поднимать* и *вынашивать* ястребов. Вечером, когда довольно

смеркнется, охотник осторожно влезает в клетку и бережно берет, вдруг обеими руками, спящего ястреба, который спит, всегда поджав одну ногу со сжатыми в кулачок пальцами, а голову завернув под крыло. При поимке неспящего ястреба днем непременно были бы помяты его перья и сам бы он напугался. Охотник вытягивает ему ноги, складывает ровно крылья, выправляет хвостовые перья и, оставя на свободе одну голову, спеленывает его в платок, нарочно для того сшитый вдвое, с отверстием для головы, плотно обвивает краями платка и завязывает слегка шнурком или тесемкой; в таком положении носит он на ладони спеленанного гнездаря по крайней мере часа два, и непременно там, где много толпится народа; потом, развязав сзади пеленку, надевает ему на ноги *нагавки с опутинками*, которые привязываются обыкновенною петлею к *должнику*[4] наглухо прикрепленному к кожаной рукавице или перчатке с правой руки, на которой всегда будет сидеть выученный ястреб. В это же время прикрепляют к ястребу бубенчик, в чем хотя нет необходимости, но что на охоте бывает

очень полезно. Дутый медный бубенчик, величиною с крупный русский орех или несколько побольше, но круглый, звонкий и легкий, прищипливается в хвосте, для чего надобно взять ястреба в обе руки, а другому охотнику разобрать бережно хвост на две равные половинки и, отступя на вершок от репицы, проколоть одно из средних хвостовых перьев посредине обыкновенной медной булавкой; на нее надеть за ушко бубенчик, острый конец воткнуть в другое среднее соседнее перо и вогнать булавку до самой головки; она будет так крепко держаться, что точно врастет в перо; иногда ушко бубенчика отломится, а булавка останется навсегда. Прежде охотники привязывали бубенчик к ноге; но этот способ несравненно хуже: бубенчик будет беспрестанно за что-нибудь задевать и как раз сломается; когда же ястреб с перепелкой сядет в траву или в хлеб, то звука никакого не будет; а бубенчик в хвосте, как скоро ястреб начнет щипать птицу, при всяком наклонении головы и тела станет звенеть и дает о себе знать охотнику, в чем и заключается вся цель.

Потом охотник идет в самое темное место, в какой-нибудь сарай или хлев, бережно снимает всю пеленку и старается посадить ястреба на свою правую руку, защищенную от его когтей рукавичкой. Эта минута самая трудная; иногда долго нельзя усадить ястреба, и требуется много ловкости и сноровки, чтобы он, бившись и висая на опутинках, не тронул, то есть не вытянул ног, отчего ястреба навсегда остаются слабыми. Иногда гнездарь, смирный и привычный к человеку, наскучивший принужденным положением в пеленке и боящийся в темноте летать (к чему он и не привык в клетке), сразу садится на руку; разумеется, не то бывает с слетком, как сказано будет ниже. Как скоро ястреб усядется на руке, то надобно стоять смирно и оставаться с полчаса в том же темном месте; потом растворить двери, отчего сделается светлее и ястреб непременно станет слетать с руки; когда же он успокоится, охотник потихоньку выходит на вольный воздух и ходит с своим учеником по местам уединенным и открытым. Перед солнечным восходом сон начнет одолевать ястреба, и он делается смирнее: тут можно

поступать смелее: поглаживать его, поправлять крылья, которые он целые сутки держит в распущенном положении (не подбирает), и потягивать полегоньку за хвост, чтобы он крепче держался когтями за руку охотника и не дремал. Часов в семь утра можно посадить ястреба на колодку, в безопасном месте и дать ему отдохнуть часа два, а чтобы он не скоро заснул и не крепко спал, то надобно его раза три впрыснуть водою: ястреб не заснет до тех пор, пока не провянут перья, которые он беспрестанно будет прочищать и перебирать своим носом. Охотник также может соснуть в это время. После короткого отдыха, которого слеткам никогда в первый день не дают, потому что они гораздо упрямее и крепче, надобно взять ястреба на руку и носить до вечера, выбирая места, где меньше толкается народу: внезапное и быстрое появление нового человека всегда пугает и заставляет слетать с руки молодых ястребов; особенно не любят они, если кто-нибудь подойдет сзади. Вынашивая гнездаря, смирного и привычного к человеку, не нужно его слишком вымаривать, а потому можно перед вечером дать ему

соснуть еще часика полтора. Во вторую ночь продолжается та же история, как и в первую; на другой день, если ястреб уже привыкает хорошо сидеть на руке и если он не очень сыт (то есть не жирен), то можно к вечеру предложить ему мясо. Хотя редко, но случается, что на другой день вечером ястреб-гнездарь, который не ел уже полторы сутки, да и в предыдущий день был кормлен очень мало, станет есть, сидя на руке у охотника: в таком случае можно его *подкормить*, то есть покормить немного, дать третью часть против обыкновенного. На третий день ястреб делается гораздо смирнее: бессонница и голод отнимут у него ту врожденную энергию дикости, которую еще не совсем истребила клетка. Вечером надобно его начать *вабить* и заставить *перейти* на руку. Это делается следующим образом: ястреба надобно на что-нибудь посадить, не отвязывая должника, потом взять кусок свежего мяса, показать сначала издали и потом поднести ему под нос, и когда он захочет схватить его клювом, то руку отдернуть хотя на четверть аршина и куском мяса (вабилом) [5] поматывать, а самому почмокивать и по-

свистывать (что называется *вабить*, то есть звать, манить). Ястреб сначала будет вытягивать шею то на одну, то на другую сторону и наклоняться, чтоб достать корм, но, видя, что это невозможно, решится перелететь или хотя перескочить с своего места на манящее его вабило в руке охотника; этот маневр надобно повторить до трех раз, и всякий раз вабить дальше, так, чтобы в третий — ястреб перелетел на сажень; тут надо покормить его побольше, потом посадить часа на два в уединенное место и вообще накормленного ястреба носить очень бережно, наблюдая, чтобы он, слетев с руки, не ударился о что-нибудь и не помял зоба. На четвертый день ястреб, начав с сажени, перейдет на руку расстояние в десять и двадцать сажен: в таком случае следует покормить еще побольше, вполсыта. Охотник продолжает на следующие дни прежнюю выноску, и, наконец, в семь или восемь дней птица делается так смирна и ручна, что охотник, вабивший с каждым днем все дальше и дальше, в положенный час кормления, посадив ястреба на забор или на крышу, сам уйдет из виду вон — и только

свистнет особливим позовом, которого звук трудно передать буквами, похожим несколько на слог *пфу*, как ястреб сейчас прилетит и явится на руке охотника. Впрочем, иногда даже и гнездарь, несколько упрямый, не вдруг привыкает *сейчас* лететь на свист и голос охотника, а сначала начнет оглядываться направо и налево, как будто прислушиваясь, потом начнет кивать головой, вытягивать шею и приседать, что почти всегда делает птица, когда собирается с чего-нибудь слететь; вот, кажется, сию секунду полетит, совсем уж перевернулся вперед... и вдруг опять принимает спокойное положение и даже начинает носом перебирать и чистить свои правильные перышки. Но бывает иногда, что посреди таких занятий, вовсе без приготовлений, ястреб внезапно слетает с места, замахав сначала проворно крыльями, потом, увидев охотника, он быстро опускается и бежит низом, то есть плавно плывет, стелется, как ласточка, над землей... воробьи зачиликают и попрячутся, сороки защекочут, куры закудахчут, а ястреб, подбежав вплоть к охотнику, вдруг взмоет кверху и вцепится в вабило, которое охотник

успел уже укоротить, так что только маленький кусочек мяса остался наружи. — Срок и строгость выноски зависят от понятливости и покорности ястреба и также от крепости или слабости его сил. Иногда попадается и гнездарь, особенно поднятый поздно, столь упрямый, что и в десять дней не добьешься от него полного повиновения, тогда как другого на шестой день можно притравить, а на седьмой идти с ним в поле. В выноске ястреба нужна строгая точность, неослабное внимание, а главное — нескучливость. Например: ястреб упрямится, не идет на руку иногда два часа сряду, тогда как накануне через такое же расстояние перешел скоро и сегодня должен был перейти еще скорее и дальше; скучливому охотнику надоест стоять на одном месте, махать рукой и понапрасну звать ястреба, он сам подойдет поближе и — испортит все дело: на завтрашний день ястреб захочет еще большего сокращения расстояния и переломить его упрямство еще труднее; он очень памятливы и впоследствии, когда выносятся совсем и станет ходить на руку отлично хорошо, вдруг вспомнит, что его когда-то побаловали,

заупрямится без причины и совершенно неожиданно. Выноска должна происходить без всякой уступки: не идет на руку — не давать есть, не давать спать; если ястреб худ и слаб, то лучше просто покормить на руке или в садке, но никак не уменьшать расстояния в переходе на руку. Вообще выноска — дело довольно трудное, а ленивому человеку будет не по вкусу. Спать приходится весьма немного. Хорошо, когда есть другой благонадежный охотник, которому можно поручить и доверить ястреба на время, а самому часок-другой уснуть; но надо быть осторожну в выборе помощника; мне нередко случалось видеть, как спит охотник, присев к забору, и спит ястреб, сидя у него на руке, тогда как ястребу не следовало в это время даже и дремать. Можно утвердительно сказать, что едва ли третья часть ястребов вынашивается хорошо. Единовременный корм самым свежим мясом и сбережение сытой птицы — также дело хлопотливое, и также утвердительно можно сказать, что все ястреба погибают рановременно от неосторожности и недосмотра охотников.

Слетка вынашивать всегда гораздо труд-

нее, а если попадется прошлогодний ястреб и охотник захочет, за неимением других, его непременно выносить, то это требует много времени, хлопот и беспокойств, да и неблагонадежно. Такой ястреб не может ловить отлично хорошо уже потому, что его всегда надо держать в черном теле, следовательно несколько слабым, а *из тела* (то есть сытый, жирный) он ловить не станет и при первом удобном случае улетит и пропадет.

Слеток вынашивается точно так же, как и гнездарь, только строже, точнее и долее. Обращаю внимание господ охотников на последнее обстоятельство: чем долее вынашивается ястреб до начала травли, тем лучше, тем благонадежнее в будущем. Чтоб выносить скоро, надобно усмирить ястреба бессонницей и голодом, выморить его, а это иногда так ослабляет силы всего организма, что после ничем нельзя восстановить его, тогда как продолжительная носка дает возможность выучить ястреба сытого, полного сил, вкоренить в него ученье одной привычкой, которая гораздо вернее насильственной покорности от голода и бессонницы; даже в продол-

жение травли все свободное от охоты время, кроме пятичасового сна, надобно носить ястреба на руке постоянно, особенно слетка. Удивительно, какая разница между слетками и гнездарями! Я пробовал кормить последних таким отличным кормом, всегда парным, какого лучше, особенно в таком изобилие, не могла доставать мать своим ястребяткам; пойманный слеток далеко не бывал так сыт, как поднимаемый на руку гнездарь, но между тем всегда слеток оказывался как-то глаже, чище пером, складнее, резвее и жаднее гнездаря. У последнего глаза бывают белесовато-мутного цвета, без всякого выражения, а у слетка глаза живые, ярко-желтые, *наигранные*, по выражению охотников, то есть зоркие и блестящие. Правда, впоследствии и гнездарь наиграет глаза: они пожелтеют и получат некоторый блеск, но никогда не сравняются с глазами вольного ястреба. — Возвращаюсь к делу. Итак, ястреб, какой бы он ни был, выношен совершенно, то есть ходит на руку отлично, даже без вабила, на один свист; надобно его притравить: дать ему поймать птицу и накормить до отвала на первой пойманной

им добыче. Слетка не нужно притравливать, разве для того, чтоб он брал птицу покрупнее, для гнездаря же это самое важное дело; если в клетке он не поважен щипать птицу в перьях, то иногда, будучи уже выношен хорошо, не вдруг бросится на живую птицу, даже не посмотрит на нее: такого ястреба с первого разу не притравишь; но если в садке ему давали иногда птиц в перьях и живых воробьев или других птичек, то притравить его легко. Охотники уверяют, что притравливать надобно всегда на крупную птицу и что такой ястреб-перепелятник будет жаднее и станет брать вольных крупных птиц, как-то: уток-чирят, некрупных тетеревят, дупельшнепов, галок, сорок и голубей. Я в этом сомневаюсь, и хотя сам всегда притравливал ястребов голубями и некоторые мои ястреба точно брали поименованных мною птиц, но, кажется, это происходило от врожденной злобности и от крепости в ногах и пальцах, а не от первоначальной притравы, потому что не все, а только редкие бывали так жадны и сильны; притом другие охотники притравливают обыкновенно перепелками, а ястреба выходят отлич-

ные и даже иные берут дичь и птицу покрупнее.

Выношенного ястреба, приученного видеть около себя легавую собаку, притравливают следующим образом: охотник выходит с ним на открытое место, всего лучше за околицу деревни, в поле; другой охотник идет рядом с ним (впрочем, можно обойтись и без товарища): незаметно для ястреба вынимает он из кармана или из *вачика*[6] голубя, предпочтительно молодого, привязанного за ногу тоненьким снурком, другой конец которого привязан к руке охотника: это делается для того, чтоб задержать полет голубя и чтоб, в случае неудачи, он не улетел совсем; голубь вспархивает, как будто нечаянно, из-под самых ног охотника; ястреб, опутинки которого заблаговременно отвязаны от должника, бросается, догоняет птицу, схватывает и падает с добычею на землю; охотник подбегает и осторожно помогает ястребу удержать голубя, потому что последний очень силен и гнездарю одному с ним не справиться; нужно придержать голубиные крылья и потом, не вынимая из когтей, отвернуть голубю голову. Тут на-

добно дать полную свободу ястребу; пусть он возится и управляется с добычей как ему угодно, лишь бы место было гладко; он оциплет сам перья с голубя и, проглотив сначала голову и шею, изорванные в кусочки охотником, наестся до отвала, так что перестанет рвать мясо. Тогда охотник, взяв осторожно ястреба на руку, относит его домой, сажает на колодку и не трогает до утра, чтобы он мог выпастись хорошенько. Если притравление, или притрава, совершилась удачно, то повторять ее не нужно; если же, например, ястреб бросился, но не схватил голубя или схватил, но не удержал, то надобно повторить притраву и добиться, чтоб ястреб взял птицу хорошо. В случае притравы успешной на другой день после обеда, когда жар посвалит, охотник идет с ястребом в поле в сопровождении собаки, непременно хорошо дрессированной, то есть имеющей крепкую стойку и не гонящейся за взлетевшею птицею; последнее качество собаки необходимо, особенно для гнездаря, который еще не вловился: если собака кинется на него, когда он схватит перепелку и свалится с ней в траву, то ястреб испугается,

бросит свою добычу, и трудно будет поправить первое впечатление.

Итак, охотник выходит в поле, имея в вачике *непрерменно* вабило; собака приискивает перепелку, останавливается над ней, охотник подходит как можно ближе, поднимает ястреба на руке как можно выше, кричит пиль, собака кидается к перепелке, она взлетает, ястреб бросается, догоняет, схватывает на воздухе и опускается с ней на землю. Повторяется вчерашняя история, то есть ястреб накармливается досыта. На третий день начинается настоящая травля, но в самом умеренном числе; более осьми и много десяти перепелок травить не следует. Притом и возни с ястребом будет много; в каждую перепелку он так вкогтит, что не вдруг отнимешь, потому что надобно это делать бережно, отоптав кругом траву, чтоб не помять перья у ястреба, и вот каким образом: левою рукою должно закрыть пойманную перепелку от глаз ястреба, вместе с его ногами, а правою рукою — оттирать когти, для чего нужно сначала разогнуть приемный передний коготь и потом задний, тогда разогнутся остальные сами собою. Иной яст-

реб так сердит, что когда разогнут когти на обеих его ногах и отнимут добычу, то он сожмет пальцы в кулачок, так что они замрут и долго иногда остаются в этом судорожном состоянии. Отняв перепелку, охотник, за спиною у себя, отрывает ей голову, кладет к себе в вачик, а шейку с головкой показывает ястребу, который и вскакивает с земли на руку охотника, который, дав ему клюнуть раза два теплого перепелиного мозжечка, остальное прячет в вачик и отдает ястребу после окончания охоты. Охотник дает время ястребу опомниться, оправляет его растопыренные от злости крылья, и, когда он перестанет когтить руку и совсем успокоится, заставляет собаку приискать новую перепелку: где их много, особенно около просяниц, там попадаются они на всяком шагу. Если собака приищет выводку поршков (перепелят), то их травить не надо; во-первых, они подрастут и к осени можно их затравить *в поре*, и во-вторых, такая легкая добыча балует молодого ястреба. Одного первого поршка непременно затравишь, потому что не знаешь, над какой перепелкой стоит собака; но потом надобно ее

отозвать от перепелиной выводки и отвести в сторону: затравленный поршок пойдет на корм ястреба. — С каждым днем увеличивается число затравленных перепелок, и, наконец, травля продолжается от выхода охотника в поле вплоть до ночи. Мне рассказывали, что в старые годы охотники затравливали по сту перепелок, но сам я более пятидесяти не принашивал; впрочем, другие, неутомимые, охотники травили и в мое время до семидесяти штук в одно поле, в числе которых находилось иногда до десяти коростелей, особенно к осени, когда они из болот все выбегают в поля и опушки. Коростеля берет не всякий молодой ястреб, потому что коростель кричит, когда его догоняют; крик его похож на огрызанье хорька или на щекотанье сороки. Если гнездарь не возьмет его с первого раза, то уже не будет брать никогда. Слеток же крику дергуна не боится.

Бывало, в иной вечер охотники с четырьмя ястребами приносили более двухсот перепелок. Это целый ворох. За поздним временем некогда и темно было чистить и щипать птицу, потому всех перепелок раскладывали

на большом лубке, заранее прилаженном на льду в погребе. Это делалось сколько для того, чтобы невыпотрошенная дичь не испортилась, столько же и для того, чтобы она хорошенько охолодела. Теплую, жирную перепелку щипать невозможно, потому что с выдернутыми перышками будет отставать и прорываться кожа, растянутая жиром до необыкновенной тонины. На другой день, рано поутру, в прохладной западной тени погреба начиналась шумная работа: повара потрошили, а все дворовые и горничные девушки и девочки, пополам со смехом, шутками и бранью щипали перепелок; доставалось тут охотникам, которых в шутку называли «побродяжками» за их многочисленную добычу, без шуток надоедавшую всем, потому что эту пустую работу надобно было производить осторожно и медленно, не прорывая кожи, за чем строго смотрела ключница. Перепелок сушили, коптили, а всего более солили. Сначала употребляли в пищу свежих, в паштетах, соусах и жаренных на сковороде в сметане; но скоро они, по своей приторности, так надоедали, что никто не мог смотреть на них без

отвращения. — Число затравленных перепелок зависело не от числа приисканных собакою, а от силы ястреба и, главное, от того, что, поймав перепелку, он иногда слишком злобится, когтит, не дает отнять своей добычи, и время уходит даром: впрочем, у молодого ястреба это добрый знак. Травля тогда бывает вполне успешна, когда ястреб немедленно выпускает из когтей перепелку, как скоро охотник наложит на нее руку. Это последнее делает только ястреб старый, пересидевший зиму в садке; впрочем, и молодой гнездарь к концу осени уже перестает сердиться, или, лучше сказать, упрямиться, и легко уступает свою добычу охотнику.

Живо воображая себе эту охоту теперь, с удовольствием и вместе с удивлением вспоминаю, как я увлекался ею в ребячестве и какие страстные охотники были до нее мои товарищи, люди пожилые и даже старики! В других губерниях, например в Курской, травля перепелок составляет промысел однодворцев; но в Оренбургской губернии, кажется, и до сих пор никто не охотится за ними для выгод денежных. Тогда у нас было три охотника,

я четвертый; соревнование кипело горячее: чей ястреб лучше и кто затравит перепелок больше! Бывало, не знаешь, что делать от нетерпения, от ожидания, когда жар посвалит и можно будет ехать в поле. Охотники не позволяют травить в жаркие дни часов до пяти пополудни, утверждая, что ястреб заленится и заиграет. Это точно иногда бывает. В таком случае, если ястреб как-нибудь улетит совсем и через несколько дней будет пойман, надобно продержать его некоторое время в садке, чтобы он забыл свой побег, и потом вынашивать вновь, хотя не так уже строго. Впрочем, и собаке искать и охотнику ходить, конечно, в жар тяжело; но в дни серенькие или к осени, уже прохладные, как скоро ястреб скинет погадку, можно хоть с утра идти с ним в поле. Травишь, бывало, до ночи и всякий раз ропщешь, что скоро садится солнышко и рано наступают сумерки! По заходе солнца перепелки сидят уже не так крепко, летят шибче, поднимаются от земли выше и перемещаются дальше; ястреб же утомился, ловит не жадно, и нередко случается, что он не догоняет перепелок легких, то есть не так

разжиревших, чекуш, как их называют охотники, потому что они на лету кричат похоже на слоги *чек, чек, чек*, — не догонит, повернет назад и прямо сядет на руку охотника или на его картуз, если он не подставит руки. Это называется *ястреб ходит на руку с оборотом*. — Нечего делать, надо возвращаться домой; сядешь на охотничьи дрожки и едешь шагом, кормя дорогой ястреба и пересчитывая в уме затравленных перепелок. Замечательно, что этот счет никогда не бывает верен: как ни считаешь аккуратно — всегда ошибаешься хоть одной штукой, а иногда двумя и тремя. Без сомнения, главное удовольствие в охоте доставляет резвость, ловчивость ястреба и доброе чутье и вежливость легавой собаки. Они так свыкаются между собою, что это удивительно: ястреб так умеет различать поиск собаки, что по ее движениям и по маханью хвостом знает, когда она близко добирается до перепелки, особенно понимает стойку собаки: он уже не спускает с нее глаз, блестящих какой-то пронзительною ясностию, весь подберется, присядет, наклонится вперед и готов броситься каждое мгновение. Ястреб

уже совершенно не боится приближения собаки, не слетает с наместа или колодки, когда она подходит, и часто под самым ее рылом щиплет пойманную добычу. Если ястреб без бубенчика и свалится с перепелкой в высокую траву или нежатый хлеб, то для скорейшего отыскания его обыкновенно употребляют собаку, и она, найдя ястреба, который притаится и приляжет в траве, сделает стойку и начнет махать хвостом от удовольствия; если же охотник далеко и ее не видит в густом хлебе, то начинает лаять. Если ястреб так свыкается с собакой, то еще более привыкает к своему хозяину: у другого охотника он долго не будет так ловить и особенно ходить на руку, как у того, кто его выносил и охотился с ним сначала. Когда перепелки жирны, а ястреб резов и силен, то можно не подходить очень близко к найденной перепелке, а велеть собаке издали спутать ее: тогда на дальнем расстоянии можно дольше любоваться резвостью ловчей птицы. Иные горячие охотники криком поощряют в это время своего ястреба, как псовые охотники собак: «Эх, милый! ну, ну, ну, подцепи; не промахнись!» и

пр. и пр. Про лихого ястреба говорят, что он как пуля догоняет перепелку.

Самая богатая, добычливая травля перепелок бывает во второй половине августа и, смотря по погоде, иногда в начале сентября. Перепелки превратятся в жир, отяжелеют и, пролетев несколько шагов, падают на землю; даже не видя ястреба, поднимаются неохотно, а завидя его, лежат так плотно, что мне случилось брать их руками; невежливая и поваженная к тому собака переловит много таких перепелок. С особенною жадностью охотишься, бывало, в начале сентября, потому что каждый день ожидаешь перемены в погоде и начала *пропаданья* перепелок: никак нельзя сказать, что они отлетают, — они именно пропадают с каждым днем. Это всегда случается при наступлении холодного ненастья, особенно с северным ветром или морозом. Первое уменьшение гораздо значительнее и заметнее, а потом с каждым днем травмишь менее и спустишься штук на шесть, на пять. Тут все охотники обыкновенно бросают травлю; но я продолжал ее упорно; ездил и ходил целые дни по всем любимым местам исчеза-

ющих перепелок, как-то: по широким межам, которые в Оренбургской губернии бывают в сажень ширины, поросшим густою травою и мелким кустарником чилизника, бобовника и вишенника, по залежам, начинающим лужать и зарастающим круговинами необыкновенно мягкой и густою шелковистою травою; также по жнивью, зазеленевшему по местам длинными полосами казульки, жабры и череды, а всего лучше около нежатого просяница, брошенного за малостью урожая. Не один десяток верст проедешь и исходишь, бывало, чтобы затравить одну перепелку... наконец, нет ни одной, на другой день то же — надобно посадить ястреба на зимнюю квартиру.

Пороки ястребов бывают следующие: часто случается, что молодой ястреб *охватывается* и проносится мимо перепелки или даже садится за ней в траву, а перепелка, особенно легкая, пробежав немного, быстро поднимается и возьмет большой перед; ястреб же оправившись, если и погонится за ней, то уже не догонит; иногда даже схватит, по-видимому, перепелку на лету и вместе с ней упадет на землю: охотник подбегает и находит, что

ястреб держит в когтях траву или какой-нибудь прутик, а перепелки и след простыл. Это показывает или горячность, которую охотники выражают словом *обзарился*, или — слабость в ногах; первое пройдет от опытности, а второе, если не происходит от худобы случайной, бывает неисправимо. Худобу же поправить легко: стоит дня два поменьше травить, побольше кормить парным мясом и побольше давать спать, одним словом — понателить ястреба. Иногда бывает совсем противное: ястреб плохо ловит от лени, от того что жирен; такого, разумеется, следует повыморить: поменьше кормить, побольше носить и не давать много спать. У сильных ястребов, даже у насытых, встречается иногда особенный недостаток: они *носят*, говоря по-охотничьи, то есть, поймав перепелку, не сейчас опускаются на землю, а летят с нею сажен пятьдесят, а иногда сто, и потом опускаются — это очень скучно и утомительно. Для избежанья такого невзгодья подлепляют у ястреба воском, в самых корнях, приемные когти, чтоб они сделались короче и чтоб ястреб, опасаясь, что перепелка вырвется, сейчас опускался с

нею в траву. Наконец, попадаются ястреба просто глупые, тупые, не резво летающие, лентяи и ротозеи; они по большей части слабосильны, и таких надо выпускать на волю. Хорошего ловца можно узнать с первого взгляда: на руке он сидит бодро и весело, перо лежит у него гладко, головка маленькая, спина широкая, стан круглый, посадка стопкой, ноги здоровые и крепкие, но не длинные, емь большая, пальцы твердые, когти острые, умеренно круглые (нехорошо, когда они пологи, еще хуже, если слишком круто загнуты), глаза живые и пронзительные. Верной приметой считается, что ястреб хорош, если у него на хвосте находится семь «черней», то есть семь поперечных темных полос. Все противоположные признаки изобличают ястреба посредственного или плохого.

Травля ястребами-перепелятниками другой дичи, кроме перепелок и коростелей, весьма незначительна, и обыкновенные охотники ею не занимаются, разве представится очень благоприятный случай сам собою. Но я любил эти опыты и пробовал травить жадными перепелятниками тетеревят, которых они

берут очень хорошо, если выводка захвачена в чистом поле и если тетеревята малы, а как скоро зайдут за полтетерева, то таких уже догнать не могут, да и не удержат; дупелей также берут хорошо, если они очень жирны и поднимаются из-под самого рыла собаки; но если чуть подальше, то не догоняют. Я затравил в продолжение моей охоты с ястребами одного жирного осеннего вальдшнепа совершенно нечаянно, думая, что собака ищет по коростелю в лесной опушке; затравил двух чирков и одного болотного молодого кулика; голубей русских перетравил множество, а также галок и сорок; но только два ястреба из нескольких десятков ловили у меня отлично последних трех птиц. По мнению охотников, их потому берет не всякий ястреб, что голубь очень силен, галка черна, а сорока щекочет и больно дерется клювом и ногами. Первая и последняя — причины справедливые и весьма уважительные: но точно ли не нравится черный цвет ястребу — утверждать не могу. Вся хитрость состоит в том, что ястребу надобно нечаянно, из-за чего-нибудь, близко налететь на этих птиц, в противном случае он

их не догонит. Один охотник при мне травил сорок, даже зимой, старым ястребом, но вот каким образом: он выбрасывал кости и всякий сор под самым окошком своей избы, сороки налетали, а он поднимал тихонько оконницу, подносил ястреба, который, взорась в сорок, бросался и захватывал которую-нибудь почти на месте. Этот охотник в продолжение всей зимы почти ежедневно травил таким образом сорок и кормил ими ястреба, который оставался совершенно здоров, начинал линять очень рано, в начале мая, и совершенно поспевал к травле еще в конце июня месяца: очевидно, что мясо сорок хищным птицам здорово. Во время линянья надобно ястреба посадить в садок, хорошо кормить и не трогать. Ястреба могут жить у доброго и попечительного охотника по нескольку лет; год от года становятся они пером светлее, белесоватее и, наконец, сделаются как будто седые. У меня не жили ястреба более двух зим и всегда погибали от какого-нибудь недосмотра; один из них улетел во вторую зиму и не воротился: я полагаю, что он как-нибудь погиб, потому что был очень

ручен и большой пискун. Надобно заметить, что некоторые гнездари пищат, когда проголодаются, а другие — никогда.

Я помню у одного охотника ястреба шести осеней; это была чудная птица, брал все что ни попало, даже грачей; в разное время поймал более десяти вальдшнепов; один раз вцепился в серую дикую утку (полукрякву) и долго плавал с ней по пруду, несмотря на то, что утка ныряла и погружала его в воду; наконец, она бросилась в камыш, и ястреб отцепился; уток-чирят ловил при всяком удобном случае; в шестое лето он стал не так резов и умер на седьмую зиму внезапно, от какой-то болезни. Он был так умен, что, идя в поле, охотник не брал его на руку, а только отворял чулан, в котором он сидел, — ястреб вылетал и садился на какую-нибудь крышу; охотник не обращал на него внимания и отправлялся, куда ему надобно; через несколько времени ястреб догонял его и садился ему на голову или на плечо, если хозяин не подставлял руки; иногда случалось, что он долго не являлся к охотнику, но, подходя к знакомым березам, мимо которых надо было проходить (если идти в

эту сторону), охотник всегда находил, что ястреб сидит на дереве и дожидается его; один раз прямо с дерева поймал он перепелку, которую собака спугнула нечаянно, потому что тут прежде никогда не бывало перепелок. У этого ястреба можно было взять из когтей птицу совершенно живую и неповрежденную и посадить в садок на зиму, что часто и делали; только охотник накладывал руку на пойманную им перепелку, как ястреб выпускал ее из когтей и отпрыгивал в сторону. По-видимому, в нем уже не было собственной жадности, и он ловил так, по привычке или как бы для удовольствия своего хозяина. Можно себе представить, что с такой умной птицей удовольствие травли несказанно увеличивалось. Вероятно, на следующий год ястреб стал бы ловить еще тупее, но любопытно было бы наблюдать его старость и постепенный упадок сил. Несмотря на то, что охотник его был человек самый простой и грубый, он плакал о своем лихом поседелом ловце и всегда говорил: «Нет, мне уж не нажать такого ястреба».

ПРИЛЕТ ДИЧИ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ПТИЦ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Предлагаю мои охотничьи заметки о прилете дичи с 1811 по 1826 год включительно, кроме 1812, 1816 и 1821 годов. Первые восемь лет я жил в Бугурусланском уезде, Оренбургской губернии, что ныне Самарская, а последние пять — в Белебеевском уезде, который и теперь составляет часть Оренбургской губернии. Числа прилета птицы записывались те, в которые поднимали дичь с земли или когда видели ее сидящую на воде и деревьях, а не те, в которые видели птицу пролетающую в вышине. Пролет не то, что прилет; пролет совершается почти всегда ночью или по зарям, всегда высоко, и сведения о нем бывают иногда слишком неточны. Прилет значит появление птицы на местах ее обыкновенного жительства.

1811 год в Бугурусланском уезде)

Месяц март

14. Прилетели грачи,

- 20. Клинтухи.
- 21. Скворцы.
- 22. Жаворонки.
- 25. Дрозды.
- 27. Пиголицы. Гусей и лебедей видели гораздо ранее.
- 30. Появились по реке и по материку пруда нырки.

Апрель

- 10. С этого дня началась дружная весна; птица летела всякая.
- 10. Поднял вальдшнепа.
- 12. Появились бекасы и кулички-травники.
- 13. Утки всех крупных родов и кулички-зуйки.
- 16. Чирки.
- 18. Болотные кулики.
- 20. Кроншнепы и дупельшнепы.
- 22. Гаршнепы.
- 25. Стрепета и журавли.

Стрельба тетеревов с подъезда осенью, сначала на дрожках, а потом на санях, продолжалась до 27 ноября и прекратилась за углублением снега.

1813 год

Февраль

28. Нашел двух крохалей, или гагар, на родниковом озерке, которое не мерзло и зимой. Должно заключить, что это были утки зимовые, потому что в марте не было совсем прилета птицы, кроме грачей, которые показались 18-го.

Апрель

2. С этого числа по ночам и по зарям начался валовой пролет дичи, особенно уток; но на местах около реки, в расстоянии десяти верст, я нигде не мог найти даже одной птички.

6. Наконец, явились необыкновенно запоздавшие клинтухи и скворцы.

7. Пиголицы, дрозды большие и малые, а к удивлению моему, поручейники и черныши. Тепла было очень мало, а потому мало и проталин; несмотря на то:

8. Показались бекасы, которым сидеть было совсем негде.

9. Появились нырки по реке стаями, чего никогда не бывает: они показываются всегда парами или в одиночку. Началось тепло.

12. Везде шатались травники. Поднял в саду вальдшнепа. Появились все породы уток.

14. Показалось множество мелких куличков.

15. Дупельшнепы.

19. Кроншнепы.

21. Гаршнепы.

26. Журавли.

30. Стрепета.

Стрельба тетеревов с подъезда продолжалась до 30 ноября.

1814 год

Март

Прилет птиц ранний.

8. Прилетели грачи.

12. Клинтухи.

20. Пиголицы.

22. Жаворонки.

25. Скворцы, дрозды и нырки.

27. Гуси, лебеди, крупные утки, даже витютины, всегда прилетающие поздно.

30. Красноножки, или щеголи, и травники.

31. Вдруг везде появились вальдшнепы.

Апрель

3. Показались болотные и степные кулики и все мелкие кулички.

5. Бекасы.

10. Дупели.

12. Гаршнепы.

15. Горлинки.

22. Журавли и стрепета.

1815 год

Март

Прилет птиц начался еще ранее.

3. Показались грачи.

9. Клинтухи по всем гумнам.

13. Не только нырки, но все крупные породы уток.

Воды, то есть весенних луж, не было нигде, и потому все утки садились по реке, мало замерзавшей и зимою, и я никогда не убивал столько уток даже в апреле, сколько убил в этом году в марте. Дни стояли красные, а по ночам морозы. Наст образовался довольно крепкий, и ходить по нем было очень ловко и легко, как по паркету.

17. Прилетели жаворонки; но где они

сидели, неизвестно, потому что проталин не было.

19. Оказались вальдшнепы, дрозды и скворцы.

23. Убил бекаса, но потом они не появлялись до 3 апреля.

26. Гуси, лебеди и журавли.

Апрель

1. Дружная весна. Явились витютины и мелкие кулички всех родов.

3. Болотные кулики.

5. Кроншнепы.

7. Дупельшнепы и гаршнепы вместе.

10. Снег сошел. Везде по полям показались множество стрепетов.

Два раза выпадал потом снег с морозами, и, вероятно, погибло много птиц.

В 1816 году я воротился в деревню уже к осени. Стрельба тетеревов с подъезда была необыкновенно добычлива и продолжалась до 7 декабря.

1817 год

Февраль

28. Показались клинтухи на гумнах и

свиристы. Клинтухов было очень много.

Март

6. Прилетели грачи.

7. Убил на реке малого рода гагару.

Клинтухи попадались везде, но до 4 апреля никакой прилетной птички не было, кроме жаворонков, прилетевших на благовещение. Время стояло холодное, и проталин не было.

Апрель

4. Показались пеголицы.

5. Дрозды большие и малые. Начало сильно таять.

9. Черные кулички и зуйки.

10. Бекасы, витютиньы, нырки, гуси, и видели лебедей.

11. Вальдшнепы, дупельшнепы, травники и другие мелкие кулички.

15. Крупные породы уток.

17. Болотные кулики.

18. Кроншнепы и чирки во множестве.

20. Гаршнепы.

22. Болотные коростели (погоньши).

26. Журавли, которые, впрочем, лете-

ли уже давно, и стрепета. Стрельба тетеревов с подъезда продолжалась до 20 ноября.

Прилет горлинок, погонышей, кречеток, курахтанов болотных и сивок редко отмечался в моих записках, а прилета луговых коростелей, перепелок и болотных кур нет совсем. Это значит, что они прилетали или оказывались поздно, когда я уже переставал записывать прилет дичи.

1818 год

Март

12. Прилетели грачи.

25. Клинтухи, жаворонки и скворцы.

28. Нырки.

31. Дрозды и чибисы. Большой дрозд-рябинник был застрелен мною зимой в январе, в верхней уреме реки Бугуруслана, где она местами не мерзла.

Апрель

2. Бекасы.

3. Кулички-травники.

4. Гуси (одного убил), черные кулички и зуйки.

6. Крупные утки и болотные кулики.

7. Дупельшнепы.

9. Витютиньы, чирята и все породы мелких куличков.

11. Гаршнепы.

13. Кроншнепы и озимые куры (сивки).

25. Речные кулики и курахтаны. Долго стояли холода и выпадал снег при морозах.

Май

2. Появились журавли на полях.

6. Стрепета.

20. Погоньши.

Осенью 31 августа и 2 сентября было много, в сравнении с другими годами, пролетных щеголей, или красноножек. Стрельба с подъезда тетеревов продолжалась только до 11 ноября, по множеству выпавшего снега.

1819 год

Март

19. Прилетели грачи.

22. Клинтухи.

26. Жаворонки и скворцы.

29. Пиголицы и дрозды.

Апрель

2. Показались кряковные утки.
5. Нырки. Было тринадцать градусов морозу.
8. Вальдшнепы, в кустах около реки.
9. Болотные кулики.
10. Бекасы.
11. Дупельшнепы и гаршнепы вместе, большими высыпками, по размокшим луговинам. Кроншнепы и малые дрозды.
12. Черные кулички и зуйки, утки шилохвосты и серые.
14. Кулички-травники, утки чирята и пиголицы, опоздавшие очень много против обыкновения.
19. Витютинны и горлинки.
21. Журавли и сивки.
23. Стрепета.
30. Высыпки тураханов.

1820 год

Март

12. Прилетели грачи.
22. Клинтухи, жаворонки, скворцы, нырки и кряковные утки.
23. Большие дрозды и гуси.
26. Пиголицы.
30. Бекасы.

Апрель

2. Журавли и лебеди (одного убил).
3. Черные кулички и зуйки.
4. Травники.
8. Чирята и все другие крупные и мелкие утки; дупельшнепы и болотные кулики.
13. Гаршнепы и красноножки.
16. Все мелкие кулички.
19. Кроншнепы и стрепета.
22. Витютины и журавли.
28. Болотные коростели, или погоньши.

1822 год (в Белебеевском уезде)

Март

12. Прилетели грачи.
22. Скворцы, клинтухи, и видел гусей.
24. Жаворонки.

Апрель

6. Пиголицы.
8. Болотные кулики, кроншнепы, нырки, дрозды большие и малые.
10. Бекасы и дупельшнепы вместе. — Близко болот от меня не было, и вся прилетная птица оказывалась по лу-

жам на прошлогодних жнивах.

11. Чирки, клинтухи и кулички-травники.

13. Гаршнепы, тоже по жниве и лужам.

16 апреля выпал снег в пол-аршина глубиною и не сходил трое суток; как только показались проталины, то на них свалилась всякая птица: болотная, водяная, степная и лесная, так что я бил на одной и той же проталине витютинов, уток и куликов.

26. Появились сивки, или озимые куры.

Май

4. Вдруг оказались везде стрепета.

9. Кречетки. — Подъезд к тетеревам продолжался до 8 ноября.

1823 год

Март

15. Прилетели грачи.

20. Клинтухи.

27. Жаворонки.

28. Пиголицы.

30. Скворцы и дрозды.

Апрель

1. Убил черного дрозда, какого никогда не видали в Белебеевском уезде. Появились дрозды малого рода.
4. Кряковные утки, крохали и нырки.
9. Бекасы и витютины.
11. Кроншнепы и болотные кулики.
12. Дупельшнепы и чирята.
13. Гаршнепы.
15. Вальдшнепы.
20. Стрепета.
24. Озимые куры и погоныши.
26. Журавли.

Май

3. Кречетки. — Подъезд к тетеревам прекратился 20 октября, по глубине рано выпавшего во множестве снега.

1824 год

Март

11. Прилетели грачи.
20. Клинтухи и крупные утки. Видели лебедей.
21. Скворцы и дрозды.
23. Пиголицы. До 4 апреля птица не показывалась за стужей. Весны и признака не было.

Апрель

4. Дружная весна, и в один день я увидел всю птицу: всяких уток, журавлей, болотных и степных куликов, травников, чернышей и бекасов.

7. Показались вальдшнепы во множестве.

8. Дупели и гаршнепы.

15. Стрепета и кречетки.

29. Озимые куры.

30. Погоньши.

Октября 18 я убил бекаса в степи, около большой лужи, когда уже лежал и шел сильный снег, которого 19 октября выпало столько, что подъезд к тетеревам прекратился. В этот же год снег застал стрепетов еще не улетевших, и я отыскивал их по следам, как куропаток.

1825 год

Март

22. Прилетели грачи.

28. Клинтухи и жаворонки.

30. Скворцы и пиголицы.

Апрель

1. Гуси.
3. Кроншнепы и травники. Видел пару пролетевших бекасов.
4. Утки всех родов и дрозды.
5. Лебеди и болотные кулики.
8. Бекасы показались на местах.
10. Дупели и гаршнепы вместе, высыпками.
14. Журавли.

Это был замечательный прилет: самые ранние, первые четыре прилетные птицы, появились очень поздно; но зато вся остальная птица прилетела ранее других годов, так что 14 апреля была вся уже дома, кроме стрепетов, кречеток и озимых кур, которые очень запоздали.

Май

10. Кречетки.
12. Стрепета.
14. Сивки, или озимые куры. — Подъезд к тетеревам продолжался до 5 ноября.

1826 год

Март

Прилет самый поздний, хотя время стояло обыкновенное.

28. Прилетели грачи.

Апрель

7. Скворцы и жаворонки.

10. Дрозды.

12. Пиголицы.

16. Нашел всю птицу, прилетевшую вдруг, как то: вальдшнепов, дупелей, бекасов и гаршнепов, кроншнепов, болотных куликов, травников и уток всех пород; но остальная птица появилась опять после долгого промежутка.

Май

4. Явились стрепета, кречетки и озимые куры.

10. Болотные коростельки, или погоныши.

Об отлете дичи у меня, к сожалению, нет заметок. Причина очевидная: я с жаром занимался охотой и не записывал постоянно убитых в породах дичи, хотя не мог не заметить

ее. Скажу, однако, вообще, что птица пропадает в Оренбургской и Самарской губерниях в следующем порядке: в конце августа, иногда и в половине, улетают кроншнепы (всегда прежде всех), болотные кулики и все породы мелких куличков; за ними клинтухи и витютины, а горлинки прежде их. Потом дупельшнепы, за ними бекасы и, наконец, гаршнепы и вальдшнепы. Из утиных пород ранее улетают чирки, но утки держатся до ноября. Гуси начинают лететь в исходе августа, но держатся иногда, независимо от летящих, до половины сентября. Отлет журавлей бывает в иные года очень ранний и тянется очень долго. Мне случалось замечать летящих журавлей в исходе июля и в исходе сентября: это два месяца! — Народная примета, что ранний отлет журавлей значит раннюю зиму, не всегда сбывается.

ЛОВЛЯ ШАТРОМ ТЕТЕРЕВОВ И КУРОПАТОК

Вероятно, две трети тетеревов и серых куропаток (особенно последних), потребляемых в России в огромном количестве, крыты шатрами. Хотя эту охоту положительно можно назвать *добычливою*, в промышленном значении этого слова, но в скучное, бесконечное зимнее время в отдаленной деревне, за отсутствием всех других охот, можно и ею заняться с удовольствием. Я знавал многих людей, больших охотников «крыть тетеревов и куропаток». Я сам с ранней молодости горячо им сочувствовал и много ездил со стариками, несмотря ни на какую погоду, не только крыть уже приваженную птицу, но даже расставлять привады, что, вероятно, немногим может понравиться. Эта охота имеет свои тонкости, свое знание дела, свое умение, свои удачи и неудачи, следственно имеет свой интерес.

Шатром называется сеть, связанная из суровых, посконных и преимущественно конопляных крепких ниток. Эта птицеловная

снасть представляет подобие колпака, или воронки, или всего ближе — островерхой палатки, *шатра*, отчего и названа очень верно этим последним именем. Квадратные ячейки шатровой тетеревиной сети имеют в поперечнике, вверху шатра, один вершок, а внизу — полтора вершка; эта ширина необходима для того, чтоб накрытая птица могла свободно просунуть голову и шею до самых крыльев; чтоб, обманутая этой свободой, она постоянно пробивалась, лезла вперед, а никак не вздумала вынуть голову назад и выбежать из-под шатра. Цепкость сетки зависит от тонины ниток и ширины петель, или ячеек. Чем нитки тоньше, а петли шире, тем лучше: само собою разумеется, что нитки не должны рваться, а сквозь ячейки не должна пролезать птица. Величина шатра может быть произвольная, но по большей части окружность его, когда шатер поставлен и растянут, бывает в десять сажен.

Охотник, занимающийся ловлею шатром, еще с осени наблюдает за тетеревами и знает: много ли их, где они предпочтительно держатся и куда летают кормиться. Как скоро

выпадет порядочный снег, он ставит привады именно на те места, куда тетерева повадились летать за кормом. Привада состоит из нескольких овсяных необмолоченных снопов, воткнутых в снег стоймя, разумеется кистями кверху, и непременно из кучи какой-нибудь соломы, сложенной копною в четырех или пяти сажнях от привады; эта куча соломы впоследствии преобразится в шалаш, в котором будет сидеть охотник, когда придет время крыть тетеревов. Расставив несколько таких привад, охотник, дни через два, начинает их осматривать, наблюдая следующие предосторожности: 1-е) Он осматривает привады на лошади, в санках, а не пешком, и преимущественно в полдень, когда тетерева уже побывали на кормовых местах и улетели на такие, где они обыкновенно отдыхают, сидя на деревьях или на земле, если снег еще мелок. 2-е) Так как иногда случается, что тетерева полднюют недалеко от привад, то надобно приближаться к ним весьма осмотрительно, то есть не подъезжать прямо к приваде, не вылезать из саней и не подходить к ней, а проехать мимо поближе (ибо человека, еду-

щего на саях, тетерева не боятся), так, чтоб можно было разглядеть: бывают тетерева на приваде или нет? 3-е) Если следов тетеревиных много и снопы растрепаны, обиты и обдерганы, то надобно их оправить и прибавить свежих; но если тетерева сидят близко, то есть в виду, то ни под каким видом на приваду не ходить и даже не останавливаться. Оправку старых снопов и прибавку новых можно сделать на другой день; а если опять тетерева будут сидеть неподалеку, то сделать все это рано поутру, то есть на заре, до их вылета, или поздно вечером, когда они сядут на ночевку. В светлые, месячные ночи оправляют привады даже по ночам; впрочем, многие охотники делают это всегда на утренней заре, для того, чтобы к прилету тетеревов привады находились в хорошем виде: это имеет свою полезную сторону. В снежную, буранную (поренбургски) погоду необходимо каждый день ездить на привады и отряхивать снопы от снега, чтоб они были виднее и приманчивее. Необходимо также отряхивать снег с копны соломы для того, чтоб тетерева привыкали постоянно видеть будущий шалаш.

Если привада стоит недели две, не посещаемая тетеревами, и даже поблизости их не видно, то надобно ее перенести на другое место; как же скоро на некоторых привадах тетерева начнут есть, то все другие около них следует уничтожить совершенно и закидать снегом, чтоб они тетеревов не развлекали в разные стороны. Ход тетеревов на привады — загадочное дело! В иной год идут очень хорошо, а в другой — очень плохо; бывают года, что нейдут совсем, так что где крыли в зиму пар по двести — не покроют и двух десятков. Иногда это можно объяснить случайным изобилием кормов (если хлеб остался в поле несжатым), малоснежностью зимы, отсутствием сильных морозов;^[7] но иногда нет ни одной из вышесказанных причин, тетеревов много, а тетерева нейдут на привады, да и только! Не один раз видал я, как большие тетеревиные стаи сидят кругом привады и щиплют себе тощие березовые почки или ольховые шишки, поглядывают умильно на желтые кисти овсяных снопов и — не приближаются к ним! Мало этого: из стаи пар в сорок два или три тетерева всякий день слетят на

приваду и едят овсяные зерна досыта, а все другие только смотрят. Последнее обстоятельство тем удивительнее, что тетерева имеют, всем охотникам известное, баранье свойство: куда полетел и где сел один — туда полетят и там сядут все. На этом-то основании, для большего привлеченья тетеревов сначала к приваде, потом под шатер, употребляют тетеревиные чучелы; в первом случае ставят их на длинных шестах около привады, а в последнем — на снопы, лежащие на самой приваде. Иногда такая приманка бывает очень полезна.

Привада, на которой едят постоянно тетерева, получает понемногу свой окончательный вид, то есть: в середине привады становится шест, аршина в три вышиною, на котором будет держаться сеть; около него, правильным кругом, набиваются колышки, каждый четверти в полторы, к которым будут привязаны веревочками нижние подборы шатра, и, наконец, куча соломы превращается в шалаш, в котором могли бы поместиться два человека. Если после всех этих добавлений, сделанных не вдруг, а постепенно, чтоб

изменением вида привады не испугать тетеревов, станут они ежедневно и смело есть корм, — следует немедленно крыть птицу. День для сего выбирается не снежный и не ветреный: снег заносит приваду, налипает на сеть и может даже повалить шатер, а ветер качает его и также может уронить; и то и другое обстоятельство, особенно последнее (то есть качка шатра), пугает тетеревов, и они под шатер не пойдут; одним словом: чем мороз сильнее и погода тише, тем лучше. На заре, задолго до вылета тетеревов с ночевки, охотник с товарищем являются на приваде и расставляют шатер; узким концом надевают его на шест, подложив под самый узел верхушки небольшую круглую дощечку; нижние подборы, или края, привязываются тонкими и крепкими веревочками к кольшкам (которых бывает до двадцати), шатер растягивается во все стороны и совершенно представляет фигуру круглой, островерхой, огромной палатки. Нижние края сети поднимаются от поверхности снега (несколько утоптанного) четверти на две, чтоб тетеревам было свободно и не страшно подходить под шатер. К шесту, на

котором держится верхушка шатра, в самом низу, привязана веревка, протянутая в шалаш: она засыпается слегка снегом, чтоб ее не было видно. Шест, до того времени крепко воткнутый острым концом своим в снег или землю, тогда обрубается гладко и устанавливается на маленькой дощечке, для того чтобы, дернув за веревку, легко было его уронить и мгновенно накрыть тетеревов упавшею на них сетью. Устроив все хорошенько и затрусив свои следы, дощечку и веревку на самой приваде мякиной, а около нее снегом, охотник с товарищем садятся в шалаш, затыкают вход изнутри соломой и, притаясь, смиренно дожидаются прилета тетеревов.

Долго тянется зимний рассвет, и долго царствует глубокая тишина. Скучно и душно сидеть в темном шалаше. Наконец, свет проникает в его скважины, и на дворе наступает *белый день*, как говорится; послышится карканье ворон и щекотанье сорок; потом *заскрипят* снегири и зазвенят пронзительно голоса зеленых и голубых синиц (бесков — по-оренбургски), также привыкших кормиться около привады. Как, бывало, обрадуешься голосу

живой твари! Но вот зарделся юго-восток, солнце готово выкатиться из-за горы; наступило время прилета тетеревов на приваду, которое, впрочем, иногда может замедлиться от разных причин. Вдруг прошумел сильный ветер... стая тетеревов пронеслась над шалашом и расселась около него по деревьям, а если их нет поблизости (что бывает на привадах полевых), то по снегу; даже садятся иногда на шалаш и на шатер.[8]

Вот самая интересная минута! Вид шатра так иногда поражает тетеревов, что они, посидев несколько минут на деревьях или побродя по снегу около привады, вдруг улетают, как будто чем испуганные; иногда остаются довольно долго, но не подходят под шатер; иногда подойдут два-три тетерева (вероятно, посмелее других) и досыта наедятся, а все остальные или смотрят, или клюют древесные почки, точь-в-точь как это бывает первоначально или в такие года, когда нет хода тетеревам на привады. Впрочем, такие случаи — отступление от обыкновенного порядка. По большей части тетерева, привыкшие без опасения ежедневно наедаться на прива-

де, не смущаются видом шатра и, осмотревшись, через несколько минут, один за другим, все подойдут под шатер. Тогда охотник сильно дергает за веревку, шест падает, с ним вместе падает сеть — и тетерева покрыты. Это действие называется: *уронить шатер*. Охотник с товарищем выскакивают из шалаша и, если тетеревов очень много и они, взлетывая, поднимают на себе сеть высоко, так что нижние тетерева, не успевшие запутаться, выбегают из-под шатра и улетают, охотники бросаются на шатер, опускают его книзу и придерживают нижние подборы до тех пор, пока все покрытые тетерева увязнут в ячейках сети. Тогда колют их в голову перьями, тут же выдернутыми из крыльев, или простым железным гвоздем, или заостренной крепкой деревянной палочкой, которыми запасаются заранее. Чуваши, мордва и татары, в Оренбургской губернии, очень усердно занимающиеся ловлею тетеревов шатрами, с покрытыми управляют без церемонии, то есть не колют, а бьют их палками. Если тетеревиная стая с первого раза покрыта не вся, что по большей части бывает, то приваду надобно

оправить: перья все собрать, утоптаный и окровавленный снег заметать свежим и положить новых овсяных снопов. Иногда случается, что остальные тетерева, часть которых была покрыта, через несколько времени опять станут прилетать на приваду и есть корм, так что в одну зиму, на одной и той же приваде, кроют тетеревов раза три; но иногда, после первого покрытия, уже ни один тетерев на приваду не прилетит. Замечательно, что оставшееся иногда небольшое число тетеревов, посещая по-прежнему приваду, нередко приводит с собою новую тетеревиную стаю.

Важною помехою в приваживании тетеревов бывают большие ястреба и орлы; они ловят тетеревов и часто угоняют далеко с привады; если это повторится несколько раз, то тетерева совсем бросают приваду, хотя бы и привыкли к ней. В таком случае самое лучшее средство — застрелить ястреба или орла, по крайней мере ранить. Для этого надобно поставить недалеко от шалаша чучелу, сделанную из настоящей тетеревиной кожи с перьями, привязав ее крепко к присаде (то есть к длинному шесту). Орел или ястреб, повадив-

шийся летать на приваду, приняв чучелу за настоящего тетерева, вцепится в нее, и охотник, карауливший хищника в шалаше, может легко застрелить его.

Все до сих пор сказанное мною относится к тетеревиным привадам в начале зимы, которые становятся иногда на хлебной жнивье, даже в некотором отдалении от леса; но когда выпадет много снега и глубокие сугробы совершенно закроют самую высокую жнивую, тетерева перестанут летать в поля и постоянно держатся около лесных мест и даже в середине лесов, по небольшим полянам; тогда и привады переносятся именно на такие поляны и на лесные опушки. В буранные зимы тетерева скоро сваливаются в уремы,[9] что обыкновенно бывает в конце зимы: там для них теплее и сытнее; охотники и там преследуют тетеревов своими привадами и, несмотря на изобилие ольховых шишек, соблазняют овсяными снопами. Ловля шатром производится тем же порядком.

Если почему-нибудь уже приваженные тетерева не прилетят именно в то утро, когда шатер поставлен и охотник сидит в шалаше,

или прилетят, но под шатер не пойдут, то некоторые охотники шатра не снимают и оставляют его до следующего утра, а иногда и на несколько дней, будто бы для того, чтобы тетерева к шатру присмотрелись, а в самом деле из лени; но я слышал от самых опытных охотников, что этого никогда делать не должно. Не говоря уже о том, что шатер может упасть от многих причин и закрыть приваду, а если упадет в присутствии тетеревов, то непременно их напугает, — шатра не должно оставлять потому, что он весь опустится инеем и скроет совершенно приваду от глаз тетеревов. К этому должно прибавить, что лежащий на снегу шатер очень часто портят мыши.

Должно сделать общее замечание, что курочки идут на приваду и под шатер гораздо скорее и охотнее косачей; это, вероятно, происходит оттого, что курочки вообще смирнее. Если стая состоит из одних курочек, то ее привадить к корму и покрыть несравненно легче; самые упорные и осторожные бывают стаи из одних косачей; среднее между ними составляют стаи смешанные, в которых ку-

рочки всегда первые слетают на приваду и подходят под шатер; за ними, иногда очень не скоро, последуют и косачи.

В тех уездах Оренбургской губернии, где растёт сосна и где водятся вместе с простыми, полевыми тетеревами глухари, или глухие тетерева, кроют и их также простыми тетеревиными шатрами, только всегда в малом числе. Обыкновенно глухари прилетают на привады вместе с полевыми тетеревами, увлекаясь их примером, одни же они никогда на приваду не пойдут, особенно если летают отдельною стаей. Один охотник рассказывал мне, что он, занимаясь крытьем тетеревов более десяти лет и видя, что глухари, прилетая иногда к приваде вместе с простыми тетеревами, никогда на нее не шли, а сидели в близком расстоянии на деревьях, преимущественно на соснах, ломая крепкими своими носами молодые летние побеги, называемые погонцами, вздумал употребить эти погонцы для приманки глухарей; он нарубил верхних побегов с молодых сосен и натыкал их на приваде, около овсяных снопов. Догадка его увенчалась полным успехом: глухари стали опус-

каться на приваду и, кушая сначала сосновые верхушки, стали потом есть и овес. С тех пор он стал постоянно втыкать сосновые побеги на привадах, если замечал глухарей в числе простых тетеревов. В иной год удавалось ему, в разное время, покрыть в продолжение зимы до двух десятков глухарей; но никогда более трех в один раз он не крывал. Я не могу сказать положительно, существует ли где-нибудь в России крытье шатром собственно одних глухих тетеревов? Если существует, то для них нужен шатер большего размера, вязанный более широкими петлями, из ниток более крепких и толстых, потому что стая глухарей, пар в двадцать, разорвут или оторвут от кольев обыкновенный тетеревиный шатер.

Для куропаток, напротив, готовится шатер гораздо меньшего объема, в окружности сажень в шесть; сообразно этому уменьшению ячейки вяжутся поуже и нитки употребляются потоньше. Впрочем, фигура шатра, его устройство, постройка и весь процесс ловли — один и тот же. Привады кладутся также в полях, в начале зимы, куда с осени повади-

лись прилетать куропатки, и потом на гумах, куда загонят их глубокие снега и метели. Куропаточки привады делаются не из снопов, а из хлебной мякины всякого рода: насыпается круг мякины, сажень в поперечнике, и во все стороны от этого круга, в виде расходящихся лучей, проводятся дорожки из той же мякины; длина их произвольная, и можно сказать, чем они будут длиннее, тем лучше. Как скоро хоть одна куропатка из стаи, бегающей всегда врассыпную, нападет на мякинную дорожку, то сейчас побежит по ней и закричит призывным криком, похожим на куриное кудахтанье; в одну минуту вся стая сбегится и прямо по дорожке отправится на приваду, которую всю разроет и выклюет. Куропатки очень просты, или глупы, как выражаются охотники. Если раз побывают они на приваде, то на другой же день можно поставить шатер и покрыть их всех *до одной*. Если же каким-нибудь образом несколько куропаток выбегут из-под шатра и улетят, то завтра непременно прилетят опять, подбегут под шатер и будут покрыты.

ВЫНИМАНЬЕ ЛИСЯТ

Во многих губерниях наших существовало обыкновение, и теперь существует, вынимать, или доставать, из нор лисят, выкармливать их и, когда они вырастут и выкунеют, что бывает не ранее половины декабря, воспользоваться их шкурками. Лисьи шкурки в разных местах России имеют разные цены: в Оренбургской губернии они продавались от шести до десяти рублей ассигнациями в то время, о котором я пишу, то есть около 1808 года; следовательно, это было прибыльно, потому что деньги тогда были дороже теперешнего. Но кроме выгод денежных, добыванье лисят полезно как истребление хищных зверей, которые сильно переводят всякую дичь и домашних птиц. Вот как производилось это добыванье в старые годы и, вероятно, так же производится теперь: в июне месяце, когда лисята раннего помета вырастут с обыкновенную кошку, отправляются охотники для отыскания лисьих нор, разумеется по местам более или менее им известным, удобным для укрывания лисы с лисятами. Такие места бы-

вают по скатам гор и долинам, поросшим полевыми кустарниками, иногда по крутым оврагам, покрытым мелкими древесными побегам, но не лесом: по крайней мере я не видел, чтобы лиса пометала детей в *настоящем лесу*; может быть, она знает по инстинкту, что на открытых местах безопаснее жить ее детям, что приближение всякой опасности виднее и что они, в случае надобности, могут ту же минуту спрятаться в нору. Если охотник отправляется на поиск один, то непременно должен ехать верхом, а если охотников двое, то могут идти пешком. В первом случае это нужно потому, что лиса, одаренная от природы самым тонким чутьем, не боится только конского следа и не бросит своей норы, когда побывает на ней человек верхом на лошади; во втором случае необходимо быть двоим охотникам потому, что, найдя нору с лисятами, один должен остаться для караула, а другой воротиться домой за лопатами, заступами, мешком или кошелем, за хлебом для собственной пищи и за каким-нибудь платьем потеплее для ночного времени и на случай дождя, ибо для поимки лисят надобно

оставаться в поле иногда несколько дней. Если же человек пешком побывает на норе и уйдет, то лиса, хотя бы на это время была в отсутствии, воротясь, услышит чутьем следы недоброго гостя и непременно уведет лисят в другое скрытное место, сначала неподалеку от первого, как будто для того, чтоб удостовериться: случайно ли заходил человек на ее нору, или с недобрым умыслом? Как скоро в тот же или на другой день опять появится человек на норе — лиса уводит детей дальше; если же, напротив, никто не приходит — лиса возвращается с своими лисятами и поселяется по-прежнему в своей норе. Лиса редко вырывает нору сама в таких местах, где есть норы сурочьи или барсучьи; собственная нора лисы всегда очень неглубока, коротка и довольно широка; двоим работникам нетрудно разрыть ее в один день и переловить лисят; барсучья нора — почти то же; но совсем другая история с норами сурочьими. Сурки живут семьями, штук по пяти и более. Чем многочисленнее семейство и чем больше живет на одном месте, тем больше нор и поднорков (то есть задних выходов, употребляемых

только в случае особенной надобности), тем глубже и обширнее их подземельные закоулки, и тем выше и шире становится сурчина, или бугор земли, выгребаемой из нор при их копанье и ежегодной расчистке. Разрыть такую сурчину со всеми ее подземными помещениями — тяжкая работа, требующая много времени и рук. После разных опытов охотники придумали способ, как доставать лисят, не разрывая норы, о чем я скажу в своем месте. Некоторые охотники утверждают, что лиса предварительно истребляет семейство сурков и потом занимает их нору; может быть, это и случается, за неимением нор пустых, старых, брошенных сурками; но я всегда находил лисят в старых сурочьих норах, очевидно расчищенных *несколько*, а не *вполне* уже самую лисою, которой не нужно много места для временного помещения. Без сомнения, лисе нетрудно сладить с сурком, но трудно его поймать; он вечно сидит над самой норой и при всяком шорохе прячется в нее, а нора бывает очень длинна, глубока и местами узка, так что лисе тесно лазить для преследования сурка и даже не пролезть без расчистки по всем

ее закоулкам. Впрочем, я не считаю невозможным, что лиса, замышляя временное помещение будущему семейству, в продолжение весны переловит сурков, подстерегши их поодиночке при выходе из норы. Барсучью нору может занять лиса, разумеется, только брошенную хозяином, потому что барсук злобен и ей не сладить с ним. Нору, в которой живет лиса с лисятами, узнать нетрудно всякому сколько-нибудь опытному охотнику: лаз в нее углажен и на его боках всегда есть волосья и пух от влезанья и вылезанья лисы; если лисята уже на возрасте, то не любят сидеть в подземелье, а потому место кругом норы утолочено и даже видны лежки и тропинки, по которым отбегают лисята на некоторое расстояние от норы; около нее валяются кости и перья, остающиеся от птиц и зверьков, которых приносит мать на пищу своим детям, и, наконец, самый верный признак — слышен сильный и противный запах, который всякий почувствует, наклонясь к отверстию норы. Лиса по необходимости должна беспрестанно отлучаться от детей, когда перестанет кормить их своим молоком. Ей нужно не только

самой питаться, но и доставать пищу лисятам, а потому она в норе почти не живет: принесет какого-нибудь зверька или птицу, притащит иногда часть падали,[10] которую волочит по земле, не имея силы нести во рту, и, отдав детям, снова отправляется на добычу. Многие охотники своими глазами наблюдали такие явления. В эту трудную пору лиса бывает так худа, как скелет, кожа на ней висит и шерсть вся в клочьях. По большей части лиса приносит детям зайцев и зайчат, тетеревят и тетеревиных маток; видно, эту дичь ей легче доставать; впрочем, таскает тушканчиков, [11] сусликов и даже молодых сурков, кур, гусей, уток и всяких других дворовых и диких птиц без исключения.

Удостоверюсь по вышесказанным мною признакам, что лисята точно находятся в норе, охотники с того начинают, что, оставя один главный выход, все другие норы и поднорки забивают землей и заколачивают деревом наглухо; главную нору, ощупав ее направление палкой на сажень от выхода, пробивают сверху четверугольной шахтой (ямой, называемой *подъямок*), дно которой

должно быть глубже норы по крайней мере на два аршина; четырехугольные стенки этой шахты, имеющей в квадратном поперечнике около полутора аршина, должны быть совершенно отвесны и даже книзу несколько просторнее, чем кверху, для того чтобы лисята, попав в этот колодезь, или западню, никак не могли выскочить. Пересеченную шахтою нору соединяют мостиком из тоненьких прутиков или сухих бастылин, закрыв их мелкою травою и засыпав легонько землей; верх ямы закрывают плотно прутьями и травою, чтобы свет не проходил. Когда выгоняемый голодом и вызываемый завываньем и лаем матери лисенок ступит на этот мостик, считая его продолжением дна норы, то сейчас провалится и выскочит из подъямка уже никак не может; он начнет сильно визжать и скучать, так что охотник услышит и вынет его, а мостик поправит и опять насторожит: через несколько времени попадет другой, и таким образом переловят всех лисят, которых бывает до девяти. Если они уже велики, то иногда приходится вымаривать их с неделю. В продолжение этой ловли, или, вернее сказать, подсте-

реганья лисят, охотники наблюдают большую осторожность; ночью всегда остаются двое и попеременно не спят; ночью лиса бывает так смела, что подходит на несколько сажен к человеку, особенно когда услышит голос попавшего в западню лисенка, и, если караульный заснет, она отроет который-нибудь из поднорков и уведет лисят, что случилось не один раз и в мое время с сонливыми караульщиками. Многие охотники говорят, что при лисятах бывают отец и мать, то есть самец и самка. Мне сказывали даже, что один глупый охотник застрелил близко подошедшую лису (шкура ее в это время года никуда не годится) и что это был самец; но я сомневаюсь в верности рассказа, судя по их *течке*, сходной с течкою собак, у которых, как всем известно, отцы не имеют ни малейшего чувства к детям, никогда их не знают и вообще терпеть не могут маленьких щенят и готовы задавить их.

Пойманных лисят сажают в лисятник (нарочно для того построенную амбарушку), с крепким полом, потолком и толстою дверью: в противном случае лисята как раз прогрызут

отверстие и все уйдут. Кормят их всяким мясом, даже дохлой скотиной, хлебом, творогом, а за неимением всего этого — овсянкой, как борзых собак.

Я помню, когда был еще ребенком, что нас одолевали грачи, переселившиеся из соседней речной уремы в садовые березовые рощи и губившие их безжалостно; чтобы отогнать эту докучливую птицу, всякий день разоряли гнезда грачей и приносили по несколько десятков грачат, которых отдавали лисятам; это было лакомство для них, и они с жадностью съедали, каждый лисенок, по пяти и более грачат. Помню также, что по множеству ловимой рыбы бросали лисятам мелкую плотву и щурят и что они кушали их с большим аппетитом.

В одном осьмиаршинном лисятнике более девяти или двенадцати лисят держать не годится: когда делается холодно, они начнут жаться в кучу, отчего нижним и средним бывает так жарко, что шерсть на них подопревает. Несмотря на видимую дружбу во время холода, лисята бывают очень недружны и злобны между собой; жестоко грызутся за корм и

в случае голода пожирают друг друга. Лисятник надобно содержать в чистоте и сухости, если охотник хочет получить хорошие шкуры: летом и осенью ежедневно чистить и усыпать пол песком, а когда выпадет снег, то всякий день накидывать свежего снега, о который они трутся и лучше выцветают, или выкунивают. Сытые лисята очень живы и резвы; они любят играть и прыгать по лавкам, которые нарочно для того устраивают в лисятнике; они весьма похожи на щенят-выборзков, только в первом своем возрасте, покуда не сложились, покуда не распушились их хвосты и покуда бесцветные, молочные, как называют охотники, глаза их не загорелись тем фосфорическим блеском, от которого светятся они в темную ночь и во всяком темном месте. Не охотник, не выдавший лисят прежде, с первого взгляда не различит лисенка от обыкновенного щенка-выборзка; но всмотревшись пристально, по выражению даже молочных глаз можно узнать, что это дикий и в то же время хищный зверь.

При одиночном воспитании лисенка постоянно между людьми и домашними живот-

ными дикость его постепенно уменьшается и он может сделаться совершенно ручным; но это требует беспрестанных забот и попечений, чтобы лисенок не ушел сначала, покуда еще не привык; притом его не должно кормить мясною пищею и особенно сырым мясом. Многие охотники утверждают, что лису можно перевоспитать и совершенно обратить в дворную собаку. Я не делал таких опытов, но слышал о них от людей достоверных. В этом даже нельзя сомневаться: всем известно, что знаменитый Бюффон воспитал двух лис, которые ходили под ружьем, как легавые собаки.

Я очень любил рассматривать и наблюдать лисят в узкие и длинные отверстия лисятника (какие делаются в конюшнях), которые нарочно вырубаются высоко от пола для свободного протока воздуха, без чего в лисятнике, летом, было бы очень жарко и душно. Когда лисята сыты, они играют между собой, точно как щенята: прыгают, гоняются друг за другом, прячутся по углам и под лавками, притворяются спящими и вдруг бросаются на того, который нечаянно подойдет к ним; под-

крадываются один к другому ползком и соединяют в своих приемах и ухватках вместе с собачьим что-то кошечье. Если лисята голодны, то ссорятся и грызутся беспрестанно; если корм получают только некоторые, то все остальные бросаются отнимать; если каждому лисенку дано по куску хлеба, мяса или по птице, то все разбегутся в разные стороны, и который съест проворнее свою добычу, тот кинется отбивать у другого, не доевшего своего участка. Когда корм дается общий, в корыте, то поневоле едят вместе, но беспрестанно огрызаясь друг на друга. Лисята очень прожорливы, и трудно их накормить до отвала; до живых птиц весьма лакомы и, прежде чем начнут есть, перегрызают им крылья, а потом шею, что делают даже и с мертвыми птицами: очевидное доказательство слепого инстинкта, который не умеет различать живых птиц от мертвых и употребляет ненужную предосторожность.

Будучи в ребячестве безотчетно страстным охотником до всякой ловли, я считал, бывало, большим праздником, когда отпускали меня на лисьи норы; я много раз ночевывал там и

часто не спал до восхода солнца, заменяя караульщика. Тут я наслушался, какими разными голосами, похожими на сиплый лай и завыванье собак, манит лиса своих лисят и как они, в ответ ей, так же скучат и слегка взлаивают. Лиса беспрестанно бегает кругом норы и пробует манить детей то громко, то тихо. Как скоро взойдет солнце, она удаляется. Должно признаться, что ни малейшее чувство жалости не входило мне тогда ни в сердце, ни в голову. Впрочем, это всегда так бывает: мальчик-охотник — существо самое безжалостное в отношении к зверям и птицам. Оставляя в стороне охоту, уже непонятную в зрелом возрасте, я не могу, однако, вспомнить без живого удовольствия, как хороши были эти ночевки в поле, после жаркого дня, в прохладном ночном воздухе, напоенном ароматами горных, степных трав при звучном бое перепелов, криках коростелей и пошвистываньях тушканчиков и сурков. Как сладко дремалось перед солнечным восходом и потом как крепко спалось под кожаном, или ергаком, короткий мех которого серебрился утренней росой!..

ОХОТА С ОСТРОГОЮ

Охота с острогою может доставить много удовольствия особенно потому, что производится в позднюю осень, когда рыба уже перестала клевать, следственно первой, лучшей из рыболовных охот, уже не существует, да и другими способами в это время года ловить рыбу неудобно. Неменьшее преимущество этой охоты состоит в том, что острогою бьется крупная рыба, как-то: щуки, сомы, жерихи, судаки и проч., достигающие иногда такой величины, что обыкновенные рыболовные снасти их не удержат: я разумею бредни, небольшие невода, сети и вятили. Надобно еще прибавить, что эта охота бывает ночью и весь короткий осенний день остается свободным для охотника и он может заниматься всякими другими охотами, существующими в позднее, осеннее время года. Охота с острогою имеет в себе даже много поэтического, и хотя люди, занимающиеся ею, по-видимому, не способны принимать поэтических впечатлений, но тем не менее они чувствуют, понимают их бессознательно, говоря только, что «ездить с остро-

гою весело!».

Охота с острогою требует трех условий: темной ночи, светлой воды и совершенно тихой погоды; первым двум условиям всегда удовлетворяет осень, то есть ночи делаются длинны и темны, а вода от морозов становится совершенно прозрачною; третьего условия — тишины — надо выжидать. Охота производится на лодке не большой, но и не маленькой; лодка должна быть легка, ходка, но не качка и не вертлява и довольно глубока. Кроме ее, на прочной, железной рукоятке, приделывается железная же четвероугольная решетка, около аршина в квадрате, на которой должен гореть постоянный огонь, яркий, но спокойный, для чего нужно иметь в лодке порядочный запас мелко наколотых сухих березовых дров. Решетка, посредством изогнутой кверху рукоятки, должна быть выше кормы, чтобы хорошо освещать воду до дна.

Бой рыбы острогою может производиться только на водах тихих или стоячих: на прудах, озерах и на больших затолах, или заливах, рек порядочной величины, но не быстро текущих. В темную осеннюю ночь (чем тем-

нее, тем лучше), но тихую и не дождливую, садятся двое охотников в лодку: один на корме с веслом, а другой с острогою почти посредине, немного поближе к носу; две запасные остроги кладутся в лодку: одна обыкновенной величины или несколько поболее, а другая очень большая, для самой крупной рыбы, с длинною, тонкою, но крепкою бечевкою, привязанною за железное кольцо к верхнему концу остроги. Вероятно, всем известно, что острога имеет фигуру столовой вилки, только с короткими зубьями, которых число бывает от пяти до семи; каждый зуб или игла бывает не короче четырех вершков и оканчивается зазубриной, точно такою, какая делается на конце рыболовного крючка, для того чтобы проколота острогою рыба не могла сорваться; железная острога прикрепляется очень прочно к деревянному шесту, крепкому, гладкому, сухому и легкому, длиною в сажень и даже в полторы, но никак не длиннее, потому что рыбу приходится бить не более как на трехаршинной глубине, а по большей части на двухаршинной и менее. Трехаршинную глубину воды огонь озаряет неясно, да и

действовать острогою, чем глубже вода, тем тяжеле и труднее: и глаз и рука становятся неверны. Попасть в рыбу острогою, кажется, дело нехитрое, но не всякий к нему способен: кроме верного глаза и верной, сильной руки, надобно иметь много сметки и ловкости. Даже человек, имеющий все эти качества и получивший подробные наставления от опытного бойца, сначала будет ошибаться и, не попадая в настоящее место, станет попадать близко к хвосту, или в конец рыбьей головы, или будет совершенно промахиваться. Самое главное дело состоит в том, чтобы отгадать меру расстояния, пункт, с которого тихое, медленное опущение остроги должно мгновенно перейти в быстрый удар. Эту меру можно приблизительно положить от полуторы до двух четвертей от рыбы. Острога опускается в воду не прямо над рыбою, не отвесно, потому что в этом положении шест остроги и рука человеческая закрыли бы рыбу, и уметить в нее было бы невозможно. Итак, острога опускается сначала мимо рыбы и, когда подойдет к ней так близко, что надобно уже ударить, — осторожно переносится на цель и направля-

ется против рыбьей спины. Самым лучшим ударом считается тот, который угодит в спину, не далее как пальца на три от головы. Такой удар лишает возможности крупную рыбу сильно биться и возиться на остроге, что непременно случится, если острога попадет близко к хвосту или к концу рыла; в обоих этих случаях большая рыба легко может сорваться и, несмотря на жестокие раны, от которых впоследствии уснет, может уйти и лишить охотника богатой добычи. Даже удар в самый лоб, случающийся очень редко, если не убьет рыбу наповал, дает ей возможность и возиться и сойти с остроги.

Правящий веслом должен быть также мастер своего дела, потому что управление лодкою во время плаванья за рыбою с острогою — совсем не то, что плаванье на лодке в обыкновенное время; даже весло нужно другое: несколько пошире, похожее на деревянную лопатку, но в то же время самое легкое и сподручное. Лодка должна подвигаться вперед ровно, тихо и без всякого волнения водной поверхности; весло никогда не вынимается из воды, и все повороты, все движения

производятся под водою, подобно тому как производит их своими веслообразными лапами гусь, лебедь и вся водоплавающая птица. Чтобы дать более ясное и более полное понятие об этой охоте, я опишу со всеми подробностями одну из моих самых замечательных и добычливых поездок с острогою, в которой я, по молодости моих лет, был только зрителем, а не действующим лицом.

Длинные, темные становились осенние ночи; морозы прохватили, остудили воду, осадили на дно водяные травы: шмару, плесень и всякую плавающую на поверхности дрянь; отстоялась и светла стала вода в полоях и заливах нашего широкого пруда. Уже несколько времени поговаривали охотники, что «пора ездить с острогою», собирались и, наконец, собрались; взяли и меня с собою. Время стояло самое благоприятное, то есть было темно, слегка морозно и совершенно тихо. Развели огонь на решетке, уложили в лодку все нужное, уселись без шума, оттолкнулись от берега и поплыли по полоям. Огонь ярко освещал только небольшое кругловатое пространство около решетки; даже нос лодки освещался

уже слабо; круг света скоро поглощался мраком, и еще темнее, чернее казалась ночь, охватившая нас со всех сторон. Казалось, безграничное пространство воды окружало нас; в густом мраке не видно было ни камышей, ни плотины, ни берегов, одна лодка плыла в светлом круге. Я сидел спиною к огню; лицо и весь образ рыбака с острогою, молодого и крепкого человека, сидящего против меня, были ярко освещены. Когда же я оглядывался на старого рыбака с веслом, освещаемого и даже подогреваемого сзади, то он представлялся черною фигурою, образом без лица, рисовавшимся на огненном круге; при всяком повороте лодки или движении гребца свет обливал его то слева, то справа и, казалось, заглядывал ему в лицо. Вид с берега на плавающую с огнем лодку по воде также очень живописен. Как очарованная, до половины ярко освещенная, как будто предводимая пламенем, двигалась лодка без шума и, по-видимому, без движения, без участия сидящих в ней каких-то призраков.

Скоро стала попадаться нам спящая мелкая рыба, стоявшая, или, лучше сказать, ле-

жавшая, на дне, по маленьким ямкам и впадинам; охотники не обращали на нее внимания, меня же очень занимало рассматривание тинистого прудового дна, освещенного огнем. Вдруг снималась пелена с другого, неизвестного мира, с его разными почвами, неровностями, растениями и спящими обитателями!.. Мне заранее приказано было сидеть смирно и громко не говорить, и я только шепотом или пальцем указывал на рыбу, мимо которой мы проезжали и которая казалась мне довольно большою и стоящею удара остроги. Я ошибался, потому что рыба в воде, особенно ночью, при огненном освещении, кажется гораздо крупнее, чем она есть на самом деле. Молодой рыбак, державший в руке острогу, положив ее поперек лодки, не слушал меня и только трясением головы или отрывистым шепотом: «Это все дрянь, сидите смирно», — отвечал на мои знаки и слова. Наконец, поплыли мы по протоку: так называлось извилистое, длинное протяжение, пересекавшее диагонально почти весь пруд, никогда не зараставшее травой; вероятно, это был когда-нибудь материк реки, старуца, как его на-

зывают, если он не затоплен водою; может быть также, что это был овражек, по которому некогда бежал ручей. Глубина протока иногда достигала сажени, но большею частью простиралась от полутора до двух аршин и, несмотря на то, была вдвое глубже окружающих его полоев. Проток имел под водою свои собственные берега, обраставшие густыми водяными травами в летнее время, расстилавшимися по водяной поверхности; теперь, побитые сверху морозами, они опустились и лежали по дну грядами, наклонясь в одну сторону. В этом-то протоке начала попадаться нам крупная рыба. «Придержи», — шепнул главный рыбак; лодка приостановилась, острога скользнула в воду, шла сначала медленно, потом быстро вонзилась, и через несколько секунд был осторожно вытащен огромный язь, по крайней мере фунтов в шесть, увязший в зубьях остроги; зазубрины так въелись в тело язя, что даже руками не вдруг его сняли. Вторая добыча попалась — окунь, такой величины, какого в нашем пруду ни прежде, ни после не лавливали. К сожалению, тогда не взвешивали рыбу и я не могу

положительно сказать, сколько весил тот окунь, но, конечно, в нем было более пяти фунтов. Потом стали попадаться средние язи и окуни, которых набили десятка полтора. Вытащили также несколько очень крупных плотиц. Изредка наезжали на щук, от трех до семи и до десяти фунтов (говоря примерно), которых также убили штук пять, не считая мелких: щукам не давали пощады и били всякого щуренка, которого только могли зацепить зубья остроги. Такое озлобление на щук происходило оттого, что они слишком развелись и, без сомнения, поедали множество мелкой рыбы. Щуки стали попадаться нам чаще по заливам, около камышей и предпочтительно в озерах, кругом обросших камышами, и также в отлогих впадинах, которые оканчивались материком реки. Не должно думать, что рыбак убивал всякую рыбу, которая нам попадалась: напротив, некоторые были так чутки, что уходили при одном приближении лодки, а другие уходили по большей части в то время, когда направлялась в них острога. Надобно также заметить, что при вытаскивании порядочной рыбы нельзя было

обойтись без некоторого шума и движения воды, и потому много уходило рыб, которые стояли и спали поблизости. Наконец, выплыли мы на материк и, поднявшись довольно далеко вверх, поворотили узким, но глубоким заливом опять в камыш и только стали входить в круглое широкое озеро, как рыбак подозрел щуку огромной величины, стоявшую между двумя затопленными кочками, недалеко от сплошной гряды камыша. Сердце у меня замерло, когда он, положив свою острогу, взял из лодки самую большую. Я понял, что это значит. Шепотом и знаками указал он своему товарищу место, на которое должна была направиться лодка. Тихо наплыли мы на спящую рыбу, которая показалась мне толстою и длинною деревянною плахою или вершиной бревна, лежащего на дне. С удвоенною осторожностью направил рыбак свой трезубец, или, правильнее сказать, семизубец, долго наводил и метил и, наконец, ударил изо всех сил, проворно приподнялся на ноги, придавил что есть мочи острогу и оттолкнул от себя... Вода точно закипела под нами, лодка зашаталась от толчка и волнения, и я очень

испугался, хотя глубина была не больше двух аршин и хотя тогда я боялся воды менее, чем впоследствии. Повернувшись и сильно взволновав воду, щука бросилась сначала как стрела, но потом пошла тише; шест в наклоненном положении до половины торчал из воды: собственная тяжесть и крепкая бечевка, привязанная к верхнему концу, склоняли его набок. Щука шла прямо из озера в материк реки. Держа в руках конец бечевки, молодой рыбак уже громким и веселым голосом сказал: «Попалась, утятница! давно я до тебя добирался!» — но другой рыбак отвечал почти сердито: «Ну, ну, погоди радоваться. Веревку-то не выпусти из рук». В самом деле, веревка стала натягиваться; рыбак замотал ее за руку, и мы поплыли вслед за щукою, увлекаемые ею. Сойдя в материк, она сначала не один раз погружала в воду весь с лишком четырехаршинный шест, но потом начала утомляться: металась, всплывала наверх, пыталась бросаться в камыш, чтобы вырвать из себя острогу, но напрасно; рыба видимо изнемогала. Рыбак через несколько времени, не менее как через полчаса, подтащил к себе за бе-

чевку верхний конец шеста, взял его в обе руки, встал на ноги и опять притиснул; но щука уже не бросилась так быстро, как в первый раз, а сделала небольшое движение сажен на шесть вперед, побилась, остановилась и совершенно затихла. Протащив щуку сажен пять на бечевке, рыбаки решились поднять ее и положить в лодку. Мы вошли в известный уже читателям проток, устье которого было от нас в нескольких саженях. Оба рыбака не без труда, общими силами вытащили страшно огромную рыбу и ввалили ее в лодку, не вынимая остроги; она была еще жива, разевала рот, но не шевелилась. Шест положили ко мне на плечо; я придерживал его обеими руками, чтобы он не свалился в воду и не мешал плыть. Молодой рыбак также взял весло, сел на нос лодки, и мы полетели как стрела к мельничному каузу. Там мы позвали мельника и, с помощью его и засыпки, выгрузились на плотину. Между тем набежали помольщики из мельничного амбара, разглядели, при свете зажженной лучины, славленную добычу и раздались громкие восклицания удовольствия и удивления. Между по-

мольцами случился один очень малого роста, и сейчас посыпались на него шутки. «Ну, Гришка, — говорил один, очень высокий ростом, — хорошо, что щука-то тебя не видала. Ты летось ведь купался здесь: зглонула бы она тебя, как утенка, и поминай как звали — пропал бы ты без вести!» — «Нет, нет, подавилась бы, — возразил другой, — все ноги бы остались видны! Что ты на него больно нападаешь, он все покрупнее утенка...» И громкий хохот заглушал на время шум падающей воды и мельничных колес. Между тем вытащили острогу из уснувшей щуки, и мы с торжеством понесли всю рыбу домой. Мне сказывал на другой день мельник, что помольщики долго не спали, дивились, смеялись и толковали о диковинной щуке, которая, при горячей лучине, показалась им просто чудовищем. Что касается до меня, то с самой той минуты, как началась возня со щукой, я был в каком-то забытии, смешанном (должно признаться) с некоторым страхом. Только дома, когда внесли щуку в комнату, положили на рогожу и окружили свечами, чтобы лучше разглядеть, — я опомнился и вполне предался

шумной радости молодого рыбака. Настоящие виновники победы были неразговорчивы, хотя выпили по доброму стакану вина; но зато я за них рассказывал долго и громко все малейшие подробности только что совершившегося события, ссылаясь на них и заставляя подтверждать слова мои. Плохо спалось мне эту ночь! Впечатления были так живы и противоположны, что произвели сильное волнение в моей крови. Щука, со всею обстановкою ее убиения, грезилась мне беспрестанно, да и в самом деле было от чего взволноваться! Если б это случилось со мной в поре зрелого возраста, когда охота к рыбной ловле была уже развита во мне вполне, если б это случилось даже теперь со мною — кажется, впечатление было бы еще сильнее. По молодости я не мог тогда достаточно оценить важность столь замечательного происшествия в истории рыболовства, особенно если взять в соображение, что щука, достигающая таких размеров многими десятками лет, а может быть, и сотнею годов, чрезвычайно редко попадает в столь незначительных водах, как наш пруд и река, и еще реже становится добычей

рыбаков. У нас это был единственный случай, который до сих пор еще не повторился. Надо было только представить себе, каковы были первые движения и порывы этой страшной рыбы! Покуда она не вышла в материк, где могла погрузиться глубоко, она производила такое волнение, что, если бы мы не находились от нее в нескольких саженях, то лодка могла бы опрокинуться. Охотники знают по опыту, что в ночное время, даже стоя на берегу, невольно вздрогнешь, когда поворотится или плеснетя вблизи обыкновенная крупная рыба, которая не может идти ни в какое сравнение с описываемою мною щукою. Но на небольшой лодке, довольно тяжело нагруженной, на порядочной глубине, на кажущемся безграничном пространстве воды, в непроницаемой темноте, кроме небольшого освещенного круга, беспрестанно ожидая отчаянных порывов водяного чудовища, которое возило и поворачивало нашу ладью во все стороны... признаюсь, сердце замирает от одного воспоминанья, и в старости можно отказаться от вторичного участия в такой поэтически рыбацкой сцене!..

Щуку рассмотрел я подробно на другой день. Мерою она была с лишком полтора аршина без хвостового пера и очень толста. Всех удивляла необыкновенная ширина ее лба, на котором были расположены какие-то узоры серого цвета, казавшиеся выпуклыми и седыми. Рыбаки говорили, что она очень стара и что у ней лоб *порос мохом*; когда разевали ей пасть, то поистине страшно было смотреть на ее двойные острые зубы, крупные и мелкие; горло у ней было так широко, что она без всякого затруднения могла проглотить старую утку. Уже много лет замечали ее присутствие в нашем пруду, и, конечно, много утят, и диких и домашних, переглотала она на своем веку. К сожалению, эта редкая щука не была взвешена, и я не могу сказать определенно об ее тяжести, но, судя по сравнению со щукой в один пуд и пятнадцать фунтов, которую я видел несколько лет после, [12] щука, убитая острогою, должна была весить около двух пуд.

Впоследствии мне случалось не один раз ездить с острогою и самому бить рыбу, но никакой замечательной добычи нам не попада-

лось, да и надо признаться, что я этого дела был не мастер. Один только раз тот же самый охотник привез с нижнего Соколовского пруда (на том же Бугуруслане, восемью верстами ниже) огромного налима, которого убил также острогою, в материке под корягами, стоявшего так глубоко, что он едва мог достать его самою большою острогою. В нем было весу около тридцати фунтов, и печенки его не укладывались на обыкновенной тарелке. Это случилось в самую позднюю осень, когда мелкие полои уже покрыты были льдом.

Острогой бьют щук и другую крупную рыбу в то время, когда она мечет, бьет икру, выражаясь по-рыбачьи. В эту пору особенного своего состояния рыба ходит стаями и нередко поднимается так высоко, что верхние перья бывают видны на поверхности воды; рыбак, стоя неподвижно в камыше, по колени и даже по пояс в воде, или на берегу, притаясь у какого-нибудь куста, сторожит свою добычу и вонзает острогу в подплывающую близко рыбу. В глубоких ямах, под вешняками, крупная рыба любит идти против падающей воды, всплывает иногда довольно высоко и упорно

держится в неподвижном положении, уткнув голову в хвост и всякий лес, которым обыкновенно бывает устлано дно спуска под деревянным его полом или помостом. Рыбак, по большей части мельник, потому что это ему сподручно, подкараулив или заметив высоко стоящую рыбу, подкрадывается с острогою и выхватывает иногда славного язя, головля, окуня или жериха. Все это бывает очень приятною, случайною добычею, но не может назваться настоящею охотою с острогою.

ЛОВЛЯ МЕЛКИХ ЗВЕРЬКОВ

Когда после долгой, то мокрой, то морозной осени, в продолжение которой всякий зверь и зверек вытрется, выкунеет, то есть шкурка его получит свой зимний вид, делается крепковолосою, гладкою и красивою; когда заяц-беляк, горноста́й и ласка побелеют, как кипень, а спина побелевшего и местами пожелтевшего, как воск, русака покроется пестрым ремнем с завитками; когда куница, поречина, хорек, или хорь, потемнеют и заискрятся блестящею осью; когда, после многих замерзков, выпадет, наконец, настоящий снег

и ляжет пороша, — тогда наступает лучшая пора звероловства. О капканной ловле я стану говорить особо. Куниц ловить мне не удалось, потому что их водилось очень мало в тех местах, где я живал и охотился; но хорьков, горностаев и ласок я лавливал разными поставушками, и об этой-то охоте, также горячо любимой мною в ребячестве и ранней молодости, доставлявшей мне в свою очередь много радостных минут, хочу я рассказать молодым, преимущественно деревенским охотникам.

Вид земли, покрытой первым снегом, после грязной, гнилой, осенней погоды, надоевшей даже горячим псовым охотникам,[13] веселит сердце каждого. Все делается сухо, бело, чисто и опрятно; бесчисленные зверьковые и звериные следы, всяких форм и размеров, показывают, что и звери обрадовались снегу, что они прыгали, играли большую часть долгой ночи, валялись по снегу, отдыхали на нем в разных положениях и потом, после отдыха, снова начинали сначала необыкновенно сильными скачками свою неутомимую беготню, которая, наконец, получала уже

особенную цель — доставление пищи проголодавшемуся желудку. С полночи зверек уже не резвится, не жирует около одних и тех же мест, а рыщет там, где скорее может встретить какую-нибудь добычу, для чего пробегает иногда значительное пространство. Внимательное рассматриванье, неутомимое преследование зверьковых следов раскрывает наблюдательному охотнику все, что зверьки делали ночью; дневной свет объясняет, выводит наружу все тайны ночной темноты. Для меня это имело особенный интерес, и я нередко жертвовал расчетами добычливого охотника, удовлетворяя любопытству наблюдателя. Идя по следу ласки, я видел, как она гонялась за мышью, как лазила в ее узенькую снеговую норку, доставала оттуда свою добычу, съедала ее и снова пускалась в путь; как хорек или горноста́й, желая перебраться через родниковый ручей или речку, затянутую с краев тоненьким ледочком, осторожными укороченными прыжками, необыкновенно растопыривая свои мягкие лапки, доходил до текучей воды, обламывался иногда, попадался в воду, вылезал опять на лед, возвращался

на берег и долго катался по снегу, вытирая свою мокрую шкурку, после чего несколько времени согревался необычайно широкими прыжками, как будто преследуемый каким-нибудь врагом; как норка, или поречина, бегая по краям реки, мало замерзавшей и среди зимы, вдруг останавливалась, бросалась в воду, ловила в ней рыбу, вытаскивала на берег и тут же съедала... Все это совершенно ясно рассказывали зверьковые следы опытному глазу молодого охотника.

Начинаю с ловли хорька, который гораздо больше, хищнее и неутомимее горностая и ласки. Хорек есть не что иное, как полевая, или каменная, куница. Название каменной придается ему некоторыми натуралистами потому, что он любит жить в каменных, опустелых зданиях и развалинах; впрочем, хорек живет иногда в фундаментах и подвалах жилых каменных строений и даже в подвалах и погребах деревянных домов и крестьянских изб. Всего чаще он только посещает их по ночам для отыскания себе добычи и нередко залезает в курятники и голубятни. величиною он бывает несколько меньше и тоньше лес-

ной куницы, которая далеко превосходит его достоинством своего пушистого и осистого меха; шерсть на хорьке коротка и жестка; летом она бывает желтовато-бурого цвета, а зимою темная, как на соболе и на кунице. Хорьки живут по полям в норах и в них выводят детей, числом от трех до четырех; вероятно, зимою земляные летние норы заносятся снегом, и тогда хорьки живут в снежных норах или под какими-нибудь строениями: мне случилось один раз найти постоянное, зимнее жилье хорька под толстым стволом сломленного дерева; он пролезал под него сверху, в сквозное дупло. Не один раз находил я также хорька в снежной норе на большом расстоянии от человеческого жилья. Хорек, равно как горноста́й и ласка, вполне хищный зверек; он ловит всяких птиц, диких и дворовых, во время их сна на ночевках, нападает даже на гусей, как уверяют охотники, в случае же нужды питается также крысами и мышами. Хорек злобен до невероятности и в крайности не только огрызается, но бросается даже на собаку. Огрызанье его сопровождается звуками, похожими на щекотанье сороки. Хорек

никогда не ходит, не бегаёт,[14] а прыгает, скачет, становясь обеими лапками вместе, отчего след его издали может показаться лисьим нарыском, когда лиса спокойно идет тихим шагом; обыкновенные прыжки хорька бывают около полуторы четверти, а если он чем-нибудь испуган, то скачки его достигают до двух четвертей и более. Ловят хорьков маленькими капканами и самострелами. Капканы становятся на тех местах, по которым непременно должен пройти хорек, вылезая или влезая в свою нору или пролезая сквозь какое-нибудь отверстие в курятник, подвал, голубятню, куда он повадился ходить за своей добычей. Самострелы становятся непременно над отверстием хорьковой норы, когда он застигнут в ней охотником, потому что хорек может попасть в самострел, только вылезая из норы. Самострел — довольно замысловатое орудие, и трудно получить об нем понятие без рисунка. Это не что иное, как натянутый лук со стрелой, которая, вместо копья, оканчивается довольно широкою лопаточкою; лопаточка ходит в пазах длинной рамки, вделанной прочно в середину лука, и, бу-

дучи спущена, плотно и крепко прижимается силою тетивы к краю рамки. Настороженный самострел накладывается на выход из норы, и хорек не может из нее вылезть, не тронув сторожка, утвержденного поперек открытого отверстия рамки; как скоро сторожок соскочит, тетива спускается, и стрела мгновенно прищемляет зверька.

Горностай и ласка могут быть причислены к одному роду. Вся разница между ними состоит в том, что горностай вдвое толще и вершка на три длиннее ласки; фигура, все стати, нравы и цвет шерсти у них совершенно одинаковы, кроме того, что у горностая кончик хвоста черный. Оба эти зверька летом имеют шкурку рыжевато-бурую, которая кажется тогда даже пестрою, а зимой — белую как снег; оба хищной породы и питаются мясом; оба имеют, с первого взгляда, очень грациозную наружность; но, всмотревшись хорошенько в очертание их рта, вооруженного частыми и острыми зубами, особенно в их маленькие, бесцветные глазки, почувствуешь, что они принадлежат к злобной и кровожадной породе зверей. Особенно ласка, будучи

слишком длинна и тонка и потому изгибая свою спину дугою, когда останавливается, напоминает как-то изгибающуюся змею. Вероятно, горноста́й так же хищен и злобен, как хорек и ласка, что и подтверждается охотниками-звероловами, но мне не удавалось видеть своими глазами доказательств его хищности; кровожадности же хорька и особенно ласки я много видел удивительных опытов. [15]

Хорек, забравшись в курятник, или утиный хлев, или в голубятню, никогда не удовольствуется одною жертвою, а всегда задушит несколько кур, уток или голубей. Он обыкновенно прокусывает шею у своей добычи, напивается крови, оставляет ее, кидается на другую и таким образом умерщвляет иногда до десятка птиц; мясо их остается нетронутым, но у многих бывают головы совсем отъедены и даже две-три из них куда-то унесены; иногда же я находил кур, у которых череп и мозг были съедены. Если хорек заедает по одной или не более двух птиц, что случается довольно редко, то уже непременно уносит их головы. Довольно трудно объяснить, отче-

го происходит у хорька такая разница в числе жертв и в способе употребления в пищу своей добычи. Я слышал от охотников, что одни молодые хорьки отгрызают головы у птиц и выедают мозг, а старые пьют только кровь и что, будучи умнее молодых, они умерщвляют только по одной или по две штуки, для того чтобы долее пользоваться добычей. Но такому мнению противоречат самые эти признаки: то есть, если старый хорек пьет только кровь заеденных им птиц и умерщвляет не более одной или двух, не касаясь их мяса, то отчего же я всегда находил, что если умерщвлена одна или две птицы, то головы их непременно отгрызены или унесены? Итак, надобно искать другого объяснения.

Горностаев и ласок редко ловят самострелами, потому что редко попадаются их норы. Для ловли этих маленьких зверьков употребляют *плашки* и *стульчики*. Плашка действительно есть не что иное, как плаха, то есть половина бревна, в отрубе вершков четырех или пяти, расколотого посредине. Отрубок такой плахи, в аршин или несколько более длиною, гладко вытесанный с плоской стороны,

накладывается на такую же плаху и пригоняется к ней плотно; потом верхняя плаха поднимается на четверть или на полторы и, по известному всем способу, настораживается сторожкой, к которому привязана прикормка, или приманка: опаленная мышь, какая-нибудь птичка или кусок ветчинного сала с кожей, также опаленного на огне, для того чтобы запах прикормки был слышнее. Задний конец плахи имеет продолбленную продолговатую дыру, сквозь которую проходит колышек, крепко утвержденный в нижней плахе; это сделано с целью, чтобы задний конец верхней плахи не мог соскочить; разумеется, верхняя плаха поднимается и опускается на нем свободно. Зверек, почуяв лакомую пищу, подходит и хватает ее зубами, сторожок соскакивает, верхняя плаха падает и придавливает его.

Стульчиком называются две палочки, всегда из сырого тальника, каждая с лишком аршин длиною, которые кладутся крест-накрест и связываются крепкою бечевкою; потом концы их сгибаются вниз и также связываются веревочками, так что все четыре ножки от-

стоят на четверть аршина одна от другой, отчего весь инструмент получает фигуру четвероножника, связанного вверху плотно; во внутренние бока этих ножек набиваются волосяные силья, расстоянием один от другого на полвершка; в самом верху стульчика, в крестообразном его сгибе, должна висеть такая же приманка, какую привязывают к сторожку плахи; приманка бывает со всех сторон окружена множеством настороженных сильев; зверек, стараясь достать добычу, ползет по которой-нибудь ножке и непременно попадет головой в силок; желая освободиться, он спрыгнет вниз и повиснет, удавится и запутается в сильях даже всеми ногами. Впрочем, случается иногда, что он сначала попадает лапкой, и в таком случае он отгрызет силок. Плашка и стульчик становятся на таких местах, где много замечено горностаевых и ласкиных следов и где они отыскивают себе добычу. Ласку, известную истребительницу мышей в гумнах с хлебом и в хлебных амбарах, никогда не должно около них ловить. Ласка, по своему тонкому и длинному стану, имеет возможность пролезать в мыши-

ные норки, в самые узенькие щели и даже в хлебные клады и копны, а потому мышам нет от нее спасенья.

Расставя с вечера несколько таких поставушек, на рассвете надобно их обойти и все собрать, а в сумерки, оправив все как следует и положив свежей приманки, расставить вновь по другим местам, какие охотник сочтет более удобными. Эта охота может продолжаться всю зиму, разумеется на лыжах и кроме тех ночей, когда идет сильный снег, или *крутит буран*, выражаясь по-оренбургски. В буранную погоду так занесет поставушки, что их на другой день и не отыщешь. Мне нередко случалось терять мои звероловные снаряды, потому что часто с вечера бывает тихо и поставушки поставишь, а к утру подымет такая метель, что и самому нельзя носа показать. Впрочем, простое устройство этих снастей дает возможность в один день заменить потерянные новыми.

Кажется, что можно найти привлекательного в этой охоте? Но именно в том состоит тайна всех охот, что их нельзя объяснить и определить. То, что покажется не охотнику

смешно, скучно и нелепо — горячит, тревожит и радостно волнует сердце охотника. Я сам с удивлением и вместе с удовольствием вспоминаю, как горячо некогда охотился за маленькими зверьками. Расставив десятка полтора разных поставушек по таким местам, где добыча казалась вероятною, воротясь поздно домой, усталый, измученный от ходьбы на лыжах, — не вдруг заснешь, бывало, воображая, что, может быть, в эту минуту хорек, горноста́й или ласка попала в какую-нибудь поставушку, попала как-нибудь неловко и потому успеет вырваться в продолжение зимней, долгой ночи. Рано проснешься поутру, оденешься задолго до света и с тревожным нетерпением дожидаясь зари; наконец, пойдешь и к каждой поставушке подходишь с сильным биением сердца, издали стараясь рассмотреть, не спущен ли самострел, не уронена ли плашка, не запуталось ли что-нибудь в силъях, и когда в самом деле попалась добыча, то с какой, бывало, радостью и торжеством возвращаешься домой, снимаешь шкурку, распяливаешь и сушишь ее у печки и потом повесишь на стену у своей кровати,

около которой в продолжение зимы набира-лось и красовалось иногда десятка три раз-ных шкур.

Я ничего не сказал о ловле норок, потому что мне не удавалось самому ловить их; но я видел, как добывали их другие охотники: они ставили по берегам рек, на которых много было норкиных следов, маленькие капканы, для чего разрывали небольшую ямку в снегу, а если снег мелок, то в песке или земле берега; в первом случае капкан засыпался слегка сне-гом, а в последнем — сухими листочками. Недавно уверяли меня, что норка питается не одною рыбою, а кушает и мясо. Норку застали очень рано поутру у кухни и гнались за нею до реки, в которую она будто бы бросилась и нырнула. Из этого вывели заключение, что норка приходила к кухне, стоящей на доволь-но большой горе, не для ловли рыбы. Я несколько усумнился и говорил об этом с са-мым опытным звероловом, который трид-цать лет ловит норку капканами и знает на-изусть образ их жизни. Он уверяет, что виде-ли хорька вместо норки, который, вероятно, бросился не в реку, а под берег, где у него бы-

ла нора; норка же, по его уверению, никогда к человеческому жилью не подходит.

КАПКАННЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Ловля зверей капканами распространена по всей России, кроме губерний южных, где снегу бывает мало или вовсе не бывает. Я стану говорить собственно об Оренбургском крае и соседственных ему губерниях на север. В этих местах редко можно найти деревушку, в которой бы не было хотя одного капканщика; во многих же больших селениях, почти в каждом крестьянском дворе, есть охотник, а иногда и два. Капканами ловится преимущественно заяц, потом лиса и волк. Я слышал, что в Вятской и Пермской губерниях ловили прежде огромными капканами медведей и росомах, но больше я ничего не знаю об этой интересной охоте. Итак, обращаюсь к знакомому мне предмету.

Я не стану описывать простого, всем известного механизма капканов. Они бывают двух сортов: большие и малые, круглые и четвероугольные, волчьи и заячьи; первые почти втрое больше последних. Лиса обыкновенно

венно ловится заячьими капканами; собственно же для нее особенной снасти, средней величины, не знаю почему, не делают, а это было бы недурно; иногда попадает лиса и в волчьи капканы. Я видал маленькие капканчики для мелких зверьков, но их надобно было делать на заказ. Теперь их стали готовить больше.

Волков и лис добывают следующим образом: еще с осени, по-голу, не позже половины октября, на открытых местах, около большого леса, или в мелком лесу, в перелесках, вообще, где чаще видаются лисы и волки, кладут притравы, то есть бросают ободранную лошадь или корову, для того, чтоб волки и лисы заблаговременно привыкли их кушать; впрочем, для этого пригодна всякая падаль или дохлая скотина. Как скоро привада будет съедена, то вместо нее кладут другую, и если зима становится поздно, то случается положить и третью. Когда выпадет снег порядочной глубины, то есть четверти в полторы или две, и волки, продолжая ходить на притраву почти всегда по одним и тем же следам, набьют тропы — наступает время ставить капканы. Это

случается по большей части около зимнего Николы. Надобно заметить, что волки ходят на притраву целым обществом или выводками, которые от трех и четырех простираются до восьми и девяти штук, а лиса — всегда в одиночку. Зверолов заранее объезжает верхом все места около привады, или притравы; осматривает волчьи и лисьи тропы и назначает места, где ставить капканы; потом, также верхом, отправляется для их постановки. Ездить верхом потому необходимо, что только конского следа зверь не боится; охотники уверяют, что если подъедешь к приваде на санях и, еще хуже, подойдешь пешком, то волки и лисы перестанут ходить на притраву. Итак, зверолов, взяв с собою несколько капканов, отправляется верхом на свой промысел. Не доезжая шагов ста до притравы, он привязывает лошадь где-нибудь к дереву или кусту, берет один из капканов и деревянную лопаточку, которая служит ему единственным орудием для произведения всех работ, как мы увидим после. Обувь охотника должна быть чиста и не издавать никакого запаха, навозного или дегтярного, и потому лучше упо-

треблять свежие, незаношенные лапти и онучи, чем сапоги; руки и рукавицы или варежки зверолова также должны быть чисты. Подойдя к месту, то есть к тропе, охотник, наклоняясь как можно дальше вперед, но не становясь обеими ногами вместе, очерчивает лопаточкой четверугольник на самой бойкой тропе, так, чтобы тропа приходилась посредине, бережно снимает пласт снега почти до самой земли и, сохраняя по возможности фигуру волчьих следов, кладет пласт снега позади себя, на свой собственный след; на очищенном месте, которого величина должна быть соразмерна величине снасти, он ставит капкан с его полотном, разводит дуги, настораживает их и потом достает, также позади себя, чистого снегу и бережно с лопаточки засыпает им капкан так, чтобы снежная поверхность была совершенно ровна, и на этом пушистом снегу, углом или концом рукоятки той же лопаточки, искусно выделяет тропу волчьих следов, копируя снятый им с этого места след. Все это надо так мастерски устроить, чтобы острое зрение зверя ничего не могло заметить и тонкое его чутье ничего не мог-

ло услышать; одним словом, чтобы место с поставленным капканом и подделанною на нем волчьей тропою было совершенно похоже на окружающую его местность. Потом охотник начинает отступать задом, становясь ногою в свой прежний след и засыпая его, по мере отступления, также свежим, пушистым снегом; отойдя таким образом сажен двадцать и более, он возвращается к своей лошади, уже не засыпая своих следов; садится опять верхом, ставит другой капкан, третий и даже гораздо более, смотря по числу волчьих троп и следов, идущих к притраве с разных, иногда противоположных сторон. Я знавал таких мастеров ставить капканы, что без удивления нельзя было смотреть на подделанные ими звериные тропы и засыпанные собственные следы. Вся работа производилась при моих глазах лопаточкой, и на другой день я сам не узнавал и не находил тех мест, где были поставлены капканы. Точно таким же образом ставят заячьи капканы на лисьих тропах, проложенных к притраве или к какому-нибудь другому месту, куда лиса повадилась ходить за своей добычей; предосторож-

ности наблюдаются те же. В старину, как рассказывали мне тоже старые охотники, к волчьим капканам привязывали веревку с чурбаном или рычагом для того, чтобы попавшийся волк, задевая ими за кочки, кусты и деревья, скорее утомлялся и не мог уходить далеко; но потом этот способ был совершенно оставлен, ибо, кроме хлопот зарывать в снег веревку и чурбан, они оказывались бесполезными: волк перегрызал веревку — и охотники начали ставить капканы на волков и лис, ничего к ним не привязывая. Впоследствии, по примеру *верховых*[16] охотников, ввели в употребление капканы с железной цепью и якорем, и это много облегчило отыскивание и убой попавшегося зверя; впрочем, капканы заячьи (они же и лисьи) ставятся без всякой привязки, отчего лисы иногда довольно далеко уходят и тем утомляют охотников. Волк попадает всегда одной ногой, лиса же изредка двумя; это случается, когда она прыгает, скачет, а не бежит рысью или не идет тихой ходю. Лис часто ловят на заячьих тропах, потому что они следят зайцев и ловят их, как борзые собаки. Заячьи капканы на зайцев стано-

влятся точно так же на тропах, но несколько с меньшими предосторожностями. Заячий след подделывается иногда отрубленной и высушенной заячьей лапкой, но по большей части тою же лопаточкой. Заяц попадает довольно часто двумя ногами, а изредка и тремя; бываюТ примеры, что заяц умудряется попасть лапкой и рыльцем; один раз мне случилось видеть, как заяц попал в капкан одною переднею и одною заднею ногой: это еще мудренее. Вообще зайцы не уходят далеко с капканами, хотя бы попали одною заднею ногой.

Бывали примеры, что если волки ходят на приваду стаей и один из них попадет в капкан, то все другие бросаются на него, разрывают в куски и даже съедают, так что на большом утолченном и окровавленном пространстве снега останется только лапа в капкане да клочки кожи и шерсти; это особенно случается около святок, когда наступает известное время течки. Если волк попадет заднею ногою, то уносит капкан дальше, но если переднею и высоко, то уходит недалеко. Пойманного в капкан волка, особенно без цепи и якоря,[17] иногда бывает трудно убить и еще

труднее взять живьем; отчаянное положение волка приводит его в бешенство, и тогда он делается опасным. Смелость и горячность многих охотников в таких случаях поистине изумительны! С дубинкой или палкой в руке охотник, всегда один, преследует зверя иногда по нескольку верст; задыхаясь от усталости, обливаясь потом, он нередко бросает шапку, рукавицы, тулуп и в одной рубахе, несмотря на сильный мороз, не отстает от волка и не дает ему вздохнуть; он старается загнать зверя в лес, потому что там он задевает капканом за пеньки и деревья и иногда так завязнет в них, что не может пошевелиться с места; тогда охотник уже смело бросается на свою добычу и несколькими ударами по голове убивает волка. Но никогда не должно приближаться к нему на чистом месте; много бывает примеров, что даже по редколесью волк в капкане, преследуемый близко охотником, выбравши какую-нибудь полянку, вдруг оборачивается назад, бросается на охотника и наносит ему много жестоких ран даже на груди и на шее; в таком опасном случае надобно зарезать волка ножом, который не худо

иметь охотнику на своем поясе. В лесу волк не может этого сделать. Он будет цепляться капканом за деревья, да и охотник может прятаться от него за всяким стволом большого дерева. Замечательно, что многие охотники спасались в самых отчаянных случаях от нападающего волка, вдруг крикнув на него грозным голосом: «Прочь! Куда ты? Пошел назад, ступай своей дорогой!..» — или что-нибудь подобное. Я слышал это от самых достойных, старых и опытных охотников. Нет сомнения, что употребление капканов с цепью и якорем очень много способствует безопасности охотника, но волка, попавшего в капкан, взять живьем — это уже другая история. Это не то, что зверь, загнанный в степи до такой усталости, что едва переводит дыхание (о чем будет рассказано после): с таким волком может человек делать что ему угодно. Живого волка в капкане берут двое и даже трое охотников: утомив предварительно и потом нагнав волка близко, один из охотников просунет длинный рычаг под дугу капкана, прижмет к земле и таким образом совершенно остановит зверя; другой бросает ему на шею

мертвую петлю и затягивает, а третий сзади хватает волка за уши; тогда первый охотник, бросив рычаг, связывает волку рот крепкой веревочкой или надевает намордник и завязывает позади головы на шее. После того можно вести или тащить его на веревке куда угодно. Живых волков добывают для травли собаками.

Очень странно, что волк почти никогда не отвертывает, не отрывает своей ногой, завязшей в капкане, несмотря на отчаянные усилия, которые он для того употребляет. Он нарочно задевает капканом за дерево или куст, мечется и вертится во все стороны; даже зайцу иногда удастся оторвать ногу, а лисе очень часто. Лиса, будучи вообще смирною в капкане, как раз переломит ногу в самом том месте, где она сжата капканными дугами, потом перетрет кожу и, оставив свою лапу в капкане, всегда повыше первого позвонка, — преблагополучно уходит. Псовым охотникам случилось затравливать лис о трех ногах, которые, по их словам, бежали очень резво.

Зайцев капканами ловят великое множество, по большей части беляков, но довольно

добывается и русаков. Троп русачьих нет, потому что они живут по открытым степям и горам, где никакие кусты и деревья не заставляют их ходить по одному и тому же месту; но зато русаки иногда имеют довольно постоянные денные лежки в выкопанных ими небольших норах, в снежных сугробах или в норах сурочьих; тут натоптываются некоторым образом такие же тропы, как и в лесу, и на них-то ставят капканы; но по большей части ловят русаков на крестьянских гумнах, куда ходят они и зимою кушать хлеб, пролезая для того, в одном и том же месте, сквозь прясла гуменного забора или перескакивая через него, когда он почти доверху занесен снегом. На этих-то прыжках или пролезаньях сквозь прясла всего вернее ставить капканы. Если около гумен находится поблизости болотистая урема или лес, то и беляки посещают гумна, отчего делаются очень жирны; но никогда не могут сравняться с русаками, которые до того отъедаются, что матерые имеют весу до тридцати пяти фунтов.

Само собою разумеется, что чем больше поставлено капканов, тем больше попадет

зайцев; но должно признаться, что это работа хлопотливая и медленная, так что в короткий зимний день трудно поставить более пятнадцати капканов. Жестокие оренбургские бураны так иногда заносят их, что привычный и заметливый глаз хозяина не вдруг найдет место, где были поставлены его снасти; иногда охотник даже теряет их и находит уже весной, да и то не всегда.

Заячьими капканами ловят норок по берегам рек. Изредка ловят и куниц, ставя капканы на толстых древесных сучках и пришивая, для прикормки, кусок какого-нибудь мяса к полотну капкана; куница, попав в него, падает вместе с ним на снег, и охотник сейчас найдет ее по следу.

Во время оттепели и мокрого снега капканов не ставят, потому что снег прилипает к снастям и пружины их оттого действуют слабо; после же метели или выпавшего снега все снасти надобно осмотреть и вновь переставить.

Когда снег углубеет, то заячьи капканы ставят на лыжах, но к волчьим и лисьим капканам, то есть к местам, на которых они ста-

вятся, на лыжах не подходят. Лыжи необходимы для преследования попавшего волка, если снег уже глубок.

Хотя я хаживал на эту охоту только за зайцами и всегда с опытными мастерами, но никогда не умел ставить хорошо капканы, и в мои снасти как-то зверь мало попадал. У меня не доставало терпения для отчетливой, медленной работы, требующей много времени и аккуратности, и я должен признаться, что ходьба по снегу пешком или на лыжах, в зимнюю стужу, мне не очень нравилась. Но обходить поставленные капканы и вынимать попавшуюся добычу я очень любил.

ГОНЬБА ЛИС И ВОЛКОВ

Я упомянул в своих «Записках ружейного охотника» (стр. 166) о том, что по первому снегу, довольно глубокому, добычливые охотники в Оренбургской губернии заганивают, верхом на лошадях, лис и волков и убивают их без помощи собак и огнестрельного оружия. Эта охота, которая может быть произведена только в открытых полях или степях, без сомнения, многим вовсе неизвестна, а кто и слышал о ней, тот также не имеет настоящего понятия о сущности дела, если оно не было сообщено ему участником в охоте или по крайней мере самовидцем. Я расскажу все, что знаю: что видел своими глазами и что слышал от опытных, настоящих охотников.

Как скоро в начале зимы выпадет так называемая *густая пороша*, то есть выпадет снег глубиною от полуторы до двух с половиною четвертей, наступает удобное время для гоньбы зверя, потому что глубина снега лишает его возможности долго бежать, а для лошади рыхлый снег в две четверти ничего не значит. Для успешной охоты достаточно двух

верховых, а более трех уже и не нужно. В случае необходимости даже один охотник на доброй лошади, если местность удобна, может загнать не одну лису, несмотря на краткость осеннего или зимнего дня; но волка загнать одному охотнику почти невозможно; примеры бывают — зато считаются великою редкостью. Цель этой охоты состоит в том, чтобы гнаться за зверем верхом до тех пор, пока он, выбившись из сил, не в состоянии будет сделать ни одного прыжка, и тогда убить его арапником, дубинкой или взять его живьем. Преимущественно успех зависит от легкости, нестомчивости и неспотыкливости лошади и от крепости сил и ловкости охотника. Другое, не менее важное, условие успеха состоит в том, чтоб снег был ровен, рыхл и пушист; как скоро сделаются хотя маленькие удулы,[18] или осадка, или наст — гоньба невозможна; тогда если не везде, то по местам снег будет поднимать зверя, а лошадь, напротив, станет везде проваливаться и даже резать себе ноги. Хотя это добыванье зверя очень утомительно, но я видал много страстных охотников, большею частью из простого

народа, предпочитавших гоньбу травле зверей борзыми собаками.[19]

Быстрая скачка на резвой лошади, по необозримому пространству, за убегающим хищным зверем сильно разгорячает охотника, и он приходит в какое-то вдохновенное состояние, в самозабвение. Вольною птицей носясь по полям и долинам, по горам и оврагам, охотник безвредно мчится по таким неудобным и даже опасным местностям, по каким он не вдруг бы решился скакать в спокойном состоянии духа. Охотники любят такие минуты волнения, да и кто же не любит сильных впечатлений?..

В гонке лиса гораздо слабее волка. Волк может бежать без отдыха от десяти до пятнадцати верст; зато остановившись, он падает совершенно обессиленный, ткнется рылом в снег, и с ним можно делать что угодно: ему надо много времени, чтобы отдохнуть. Лиса, напротив, заганивается на двух, много на трех верстах; даже на одной версте высунется у нее язык, она начнет оглядываться, искать возможности как-нибудь прилечь, чтоб отдохнуть хотя на одну минуту, и если это будет

удаваться ей, то силы ее подкрепятся, она снова пускается в бег и сажени сто бежит очень резво. Прятаться она такая мастерица, что во всяком овражке или кустике так плотно заляжет, что охотник может проскакать мимо и даст ей время перевести дух.

Охота производится следующим образом: как скоро ляжет густая пороша, двое или трое охотников, верхами на добрых незадушливых конях,[20] вооруженные арапниками и небольшими дубинками, отправляются в поле, разумеется рано утром, чтобы вполне воспользоваться коротким осенним днем; наехав на свежий лисий нарыск или волчий след, они съезжают зверя; когда он поднимется с логова, один из охотников начинает его гнать, преследовать неотступно, а другой или другие охотники, если их двое, *мастерят*, то есть скачут стороною, не допуская зверя завалиться в остров (отъемный лес), если он случится поблизости, или не давая зверю притаться в крепких местах, как-то: рытвинах, овражках, сурчинах и буераках, поросших кустарником. Охотники иногда пересекают ему путь, иногда заезжают навстречу, зная зара-

нее по местности, куда побежит зверь, и нередко поворачивают его так, что иногда лиса, особенно волк, кружится на одном и том же пространстве, пробегая его несколько раз назад и вперед. Впрочем, это делается преимущественно с волком, который может пробежать большое расстояние; с лисой же надобно только наблюдать, чтоб она не залегла где-нибудь и не отдохнула. Лошадь того охотника, который гонит зверя по пятам, по всем извилинам и поворотам его бега, разумеется, должна гораздо скорее устать, и тогда товарищ его сменяет; первый начинает мастерить, а второй гнать. В отношении к волку надобно наблюдать следующее правило: как скоро он начнет бежать тише, так что нетрудно смять его лошадей, не должно подсакивать к нему слишком близко. Матерой или старым волк, не лишенный еще сил, может кинуться на лошадь; бывали примеры, что волк бросался на шею лошади и жестоко ее ранил своими клыками, даже кусал за ноги охотника. В таком случае, не теряя присутствия духа и времени, надобно прибегнуть к арапнику или дубинке. Волк боится даже луч-

ка, как говорит народ, то есть боится, когда человек замахнется на него, как будто хочет лукнуть, бросить что-нибудь, и редко случается, чтоб волк в первое мгновение не отскочил от человека.[21]

Удара арапником или дубинкой будет достаточно, чтоб усталый и напуганный зверь пустился опять наутек. В отношении же к лисе никак не должно полагаться на то, что она приляжет и как будто растянется на снегу, а надобно сейчас попробовать поднять ее хлопаньем арапника, потому что в то время как охотник, подскакав к ней, бросится с лошади, лиса вскочит и сначала побежит очень проворно, освеженная минутным отдыхом, чем выигрывает перед у охотника, и может куда-нибудь спрятаться. Вообще брать загнанную лису живьем надобно осторожно: она кусается гораздо чаще, чем волк. — Наконец, преследуемый зверь утомится совершенно, выбьется из сил и ляжет окончательно, или, вернее сказать, упадет, так что приближение охотника и близкое хлопанье арапником его не поднимают; тогда охотник, наскакав на свою добычу, проворно бросается с седла и дубин-

кой убивает зверя; если же нужно взять его живьем, то хватает за уши или за загривок, поближе к голове, и, с помощью другого охотника, который немедленно подскакивает, надевает на волка или лису *намордник*, род уздечки из крепких бечевок; зверь взнуздывается, как лошадь, веревочкой, свитой пополам с конскими волосами; эта веревочка углубляется в самый зев, так что он не может перекусить ее, да и вообще кусаться не может; уздечка крепко завязывается на шее, близ затылка, и соскочить никак не может; уздечка, разумеется, привязана к веревке, на которой можно вести зверя или тащить куда угодно. Живых лис и волков достают для того, чтоб притравливать на них молодых собак, которые иногда не берут этих зверей: волка — потому, что он силен и жестоко кусается, а лису — потому, что она отыгрывается от молодых собак, которые по неопытности принимают ее за такую же, как они, собаку и начинают с нею играть; лиса же, при первой удобной местности, от них скрывается и уходит; разумеется, эта хитрость не обманет старых, вловившихся собак.

Есть такие ловкие охотники, которые в одиночку заганивают лису и приводят ее живую на веревке. При такой одиночной охоте, загнав лису, надобно левою рукою держать ее за уши, а правую надеть на нее намордник.

Мелкие охотничьи рассказы

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СУЕВЕРИЯХ И ПРИМЕТАХ ОХОТНИКОВ

Известное дело, что охотники-простолюдины — все без исключения суеверны, суеверны гораздо более, чем весь остальной народ, и, мне кажется, нетрудно найти тому объяснение и причину: постоянное, по большей части уединенное, присутствие при всех явлениях, совершающихся в природе, таинственных, часто необъяснимых и для людей образованных и даже ученых, непременно должно располагать душу охотника к вере в чудесное и сверхъестественное. Человек не любит оставаться в неизвестности: видя или слыша что-нибудь необъяснимое для него очевидностью, он создает себе фантастические объяснения и передает другим с некоторою уверенностью; те, принимая их с теплою верою, добавляют собственными наблюдениями и заключениями — и вот создается множество фантазий, иногда очень остроумных,

грациозных и поэтических, иногда нелепых и уродливых, но всегда оригинальных. Я уверен, что охотники первые начали созидание фантастического мира, существующего у всех народов. Первый слух о лешем пустил в народ, вероятно, лесной охотник; водяных девок, или чертовок,[22] заметил рыбак; волков-оборотней открыл зверолов. Я уже говорил в моих «Записках ружейного охотника», что в больших лесах, пересекаемых глубокими оврагами, в тишине вечерних сумерек и утреннего рассвета, в безмолвии глубокой ночи крик зверя и птицы и даже голос человека изменяются и звучат другими, какими-то странными, неслыханными звуками; что ночью слышен не только тихий ход лисы или прыжки зайца, но даже шелест самых маленьких зверьков. Весьма естественно, что какой-нибудь охотник, застигнутый ночью в лесу, охваченный чувством непреодолимого страха, который невольно внушает темнота и тишина ночи, услышав дикие звуки, искаженно повторяемые эхом лесных оврагов, принял их за голос сверхъестественного существа, а шелест приближающихся прыжков зайца —

за приближение этого существа. Крик филина и маленьких сов особенной породы, которых он слышал, может быть, и прежде, но который не походил на слышимые им теперь звуки в лесу, не мог ли показаться ему и хохотом, и стоном, и воем, и чем угодно? Если же он, дрожа и потея от страха, но подавляемый усталостью, как-нибудь засыпал или хотя задремывал, то, без сомнения, грезил во сне тем же, чем был полон и волнуем наяву; дремота даже могла придать более определенности образу неизвестного существа. С первыми лучами солнца, отыскав дорогу и возвращаясь домой, он чувствовал себя как будто изломанным, исципанным и, увидя свое тело, покрытое пятнами, он легко мог приписать их щипанью или щекотанью того же сверхъестественного существа. Бедняка искусали крупные лесные муравьи или другие насекомые, но такое простое объяснение не приходит ему в голову. А как событие происходило в лесу, то и дает он имя лешего его таинственному обитателю. Дома рассказывает он свою чудную повесть, показывает красные и синие пятна на своем теле; воображение рассказчи-

ка и слушателей воспаляется, дополняет картину — и леший, или лесовик, получает свое фантастическое существование! Постепенно укрепляясь в народном ведении и веровании, принимает он определенный образ и черты, иногда очень подробные и разнообразные.

Вода, преимущественно большая, в поздние сумерки и ранний рассвет, особенно в ночное время, производит на человека такое же действие невольного страха, как и дремучий лес. Внезапное движение и плеск воды, тогда как производящей его рыбы или зверя, за темнотою, хорошенько разглядеть нельзя, могло напугать какого-нибудь рыбака, сидящего с удочкой на берегу или с сетью на лодке. Шум и движение в камыше или осоке, производимые уткой с утятами, даже прыгающими лягушками, могли показаться уstraшенному воображению чем-то похожим на движение существа несравненно большего объема. Выпрыгнувшая из воды на берег или спрыгнувшая с берега в воду поречина, мелькнувшая неясным, темным призраком, могла отразиться в его воображении чем-то

похожим на образ человеческий. *У страха глаза велики*, говорит пословица, и почему же круглому, тупому рылу сома, высунувшемуся на поверхность воды и быстро опять погрузившемуся, не показаться за человеческую голову, которая всплывала на одно мгновение? Почему остроконечный нос и голова щуки или жериха не могли показаться локтем руки или каким-нибудь человеческим членом? Точно так же, как рассказывал лесной охотник о своих ночных страхах и видениях в лесу, рассказывает и рыбак в своей семье о том, что видел на воде; он встречает такую же веру в свои рассказы, и такое же воспламененное воображение создает таинственных обитателей вод, называет их русалками, водяными девками, или чертовками, дополняет и украшает их образы и отводит им законное место в мире народной фантазии; но как жители вод, то есть рыбы — немые, то и водяные красавицы не имеют голоса.[23]

Нельзя ли таким образом объяснить происхождение и других народных суеверий? Впрочем, исследование этого интересного предмета до меня не касается. Я упомянул о

нем только для того, чтобы объяснить, отчего охотники суевернее других людей.

Вероятно, на основании таких суеверных понятий развилось множество примет и вера в колдовство, которыми заражены более или менее все охотники-простолюдины. В Оренбургской губернии, которая известна мне более других, я заметил странное явление: колдунов там довольно, особенно между мордвами и чувашами, но суеверных примет очень мало; разумеется, это отразилось и на охотниках.[24]

Вера их в колдовство относительно охоты состоит в том, что колдуну приписывается умение заговаривать ружья и всякие звероловные и рыболовные снасти. Заговоренное ружье или будет осекаться, как бы ни были хороши кремь и огниво, или будет бить так слабо, что птица станет улетать, а зверь — уходить, несмотря на полученные раны, или ружье станет бить просто мимо от разлетающейся во все стороны дробь. В заговоренные снасти зверь не пойдет, а если пойдет и попадет, то они его не удержат. Само собою разумеется, что колдун может произвести и про-

тивное тому действие, то есть пули и дробь станут непременно попадать в цель и наносить смертельные раны; рыба, зверь и птица повлекутся неведомою силою в сети и снасти и, попавшись, никак не освободятся. Ружейные охотники и звероловы, ходящие за красным зверем, всегда обращаются к колдуну, если он есть где-нибудь в соседстве и пользуется славой; они дают ему заговаривать, или наговаривать, на пули, картечь и жеребья, а также и на свои снасти, преимущественно на капканы. Колдуны средней руки, признавая себя не довольно знающими, чтобы производить вышесказанные действия, берутся заговаривать ружья и снасти только для предохранения их от заговора другого колдуна, более их искусного, и охотники считают это необходимым.

Уверенность в недобром глазе, какой бывает у некоторых людей, преимущественно старух и стариков, в способности их «сглазить», или «озепать», очень укоренена в охотниках. Они верят этой силе безусловно и не только сами боятся встречи с такими людьми, особенно при выходе на охоту, но берегут от них

собак и ястребов, даже прячут ружья и всякие звероловные и рыболовные снасти.

Независимо от веры в колдовство охотники имеют много примет, которые бывают общими, а иногда исключительными, принадлежащими лично одному какому-нибудь охотнику. Общими дурными приметами считаются:

1) Встреча с людьми недоброжелательными, по большей части имеющими будто бы дурной глаз, с людьми насмешливыми (озорниками), вообще с женщинами и в особенности с старухами. Выходя на какую бы то ни было охоту, охотник внимательно смотрит вперед и, завидя недобрую встречу, сворачивает с дороги и сделает обход стороною или переждет, спрятавшись где-нибудь на дворе, так, чтобы идущая старая баба, или недобрый, или ненадежный человек его не увидел. Если какая бы то ни была женщина, не примеченная охотником, неожиданно перейдет ему поперек дорогу, охотник теряет надежду на успешную охоту, нередко возвращается домой и через несколько времени отправляется уже

совсем в другую сторону, по другой дороге. Женщины знают эту охотничью примету, и потому благонамеренные из них, завидя идущего охотника, ни за что не перейдут ему дорогу, а дождутся, пока он пройдет или проедет. Замечательно, что эта примета до девиц не касается.

2) Встреча с пустыми телегами или дровнями не предвещает также успешной охоты, тогда как, напротив, полный воз хлеба, сена, соломы или чего бы то ни было считается добрым предзнаменованием.

3) Крик ворона, филина и совы, если охотник услышит его, идя на охоту, не предвещает успеха.

4) Если кто-нибудь скажет охотнику, идущему стрелять: «Принеси крылышко», зверолову — «Принеси шерстки или хвостик», а рыбаку — «Принеси рыбьей чешуйки», то охотник считает, что охота его в этот день не будет удачна. Вышеприведенными мною словами часто дразнят охотников нарочно, так, ради шутки, за что они очень сердятся и за что нередко больно достаётся шутникам.

Для противодействия дурным встречам и предзнаменованиям считается довольно верным средством: охотнику искупаться, собаку выкупать, а ястреба вспрыснуть водою.

5) Есть еще примета у некоторых рыбаков с удочкою, что в ведро, куда предполагается сажать свою добычу, не должно наливать воды до тех пор, покуда не выудится первая рыба. Впрочем, эта примета далеко не общая.

6) Дробины или картечи, вынутые из тела убитой птицы или зверя, имеют в глазах охотников большую важность; они кладут такие дробины или картечи, по одной, в новые заряды и считают, что такой заряд не может пролететь мимо.

7) Почти все охотники имеют примету, что если первый выстрел будет промах, если первая рыба сорвется с удочки или ястреб не поймает первой птицы, то вся охота будет неуспешна. Это обстоятельство случается нередко с охотниками запальчивыми, особенно ружейными, не имеющими даже никаких примет, и случается по причине самой естественной: охотник

разгорячится, а горячность поведет за собой нетерпение, торопливость, неверность руки и глаза, несоблюдение меры и — неудачу. Все это обыкновенно приписывается первому промаху. Но вот странность: я знал одного славного ружейного охотника, уже немолодого, у которого была примета, что если первый выстрел будет пудель, то охота будет задачна и добычлива. Я много раз бывал с ним на охоте и должен сказать, что опыт, к моему удивлению, всегда подтверждал его странную примету. Этот охотник добродушно уверял меня, что несколько раз пробовал нарочно промахнуться первым выстрелом, но что в таком случае примета оказывалась недействительною. Эта примета уже личная и служит только новым доказательством, как сильно влияние мысли на телесные наши действия.

Приметы личные, или частные, неисчислимы и не заслуживают особенного внимания, и потому я о них распространяться не стану; расскажу только один забавный пример. Я знал старика-охотника, весьма искус-

ного стрелка, известного мастера отыскивать птицу тогда, когда другие ее не находят: он ни за что в свете не заряжал ружья, не увидев наперед птицы или зверя, отчего первая добыча весьма часто улетала или уходила без выстрела. Этот охотник был уверен, что если зарядит ружье дома или идучи на охоту, то удачи не будет; он ссылался на множество случившихся с ним опытов, но мне не удалось поверить его слов на деле.

Ни на что так часто не жалуются ружейные охотники, как на легкоранность своих ружей, которая будто по временам, без всякой причины, появлялась в их ружьях, бивших прежде крепко и сердито. По большей части это приписывается вредному действию знахарей, которые портят ружья заговорами и естественными средствами. Заговор может быть пущен даже по ветру, следовательно от него нет защиты и лекарства надобно искать у другого колдуна; но если ружье испорчено тем, что внутренность его была вымазана каким-нибудь секретным составом (в существовании таких секретов никто не сомневается), от которого ружье стало бить слабо, то к ис-

правлению этой беды считается верным средством змеиная кровь, которую вымазывают внутренность ружейного ствола и дают крови засохнуть. Некоторые охотники кладут змею в ствол заряженного ружья, притискивают шомполом и выстреливают, после чего оставляют ружье на несколько часов на солнце или на горячей печке, чтобы кровь обсохла и хорошенько въелась в железо. Вообще змеиная кровь считается благонадежным средством, чтобы ружье било крепко. Впрочем, это можно отнести скорее к суеверию, чем к приметам.

В заключение я должен признаться, что внезапная легкоранность ружей не один раз смущала меня в продолжение многолетней моей охоты; это же необъяснимое обстоятельство случилось и с другими знакомыми мне охотниками. Я упомянул в моих «Записках ружейного охотника» о том, что ружья начинают очень плохо бить тетеревов, когда наступают, в конце осени или в начале зимы, сильные морозы; но там причины очевидны, хотя сначала могут быть не поняты. Здесь совсем другое дело: иногда вдруг посреди лета

ружье перестает бить или бьет так слабо, что каждая птица улетает. Я приходил от того в недоуменье, в большую досаду; искал причин и не находил; но я никогда не приписывал этого колдовству, следовательно не прибегал и к помощи колдунов, даже не пробовал змеиной крови. Поневоле я вешал испортившееся ружье на стену и брал другое. Через несколько времени привычка к любимому ружью заставляла меня попробовать, не возвратился ли к нему прежний бой? И действительно, прежний бой возвращался. Сначала я считал это просто чудом, но потом привык и постоянно лечил появлявшуюся легкоранность в моих ружьях — вешаньем их на стену для отдохновения. Что это такое было? От каких неведомых причин происходило это явление — не знаю, но в действительности его ружья.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Часто случается в охоте, что именно того не находишь, чего ищешь, и наоборот: получаешь драгоценную добычу там, где об ней и не помышляешь. Много раз ездил я с другими охотниками на охоту за волками с живым поросенком, много раз караулил волков на привадах, много раз подстерегал тех же волков из-под гончих, стоя на самом лучшем лазу из острова, в котором находилась целая волчья выводка, — и ни одного волка в глаза не видал. Но вот что случилось со мной в молодости. Это было в 1811 году, 21 сентября. Поехал я рано утром стрелять тетеревов и вальдшнепов. День был пасмурный, и по временам моросил мелкий дождь. Я убил трех вальдшнепов и пять тетеревов, которые еще не составились, мало садились и недолго сидели на деревьях, да к тому же и ветер сгонял их. Проездив часов до одиннадцати и возвращаясь домой, я хотел выстрелить во что-нибудь, чтоб разрядить ружье, заряженное средней утиной дробью, то есть 4-м номером. Несколько раз подъезжал я к беркуту (степ-

ной орел), необыкновенно смирному, который перелетал с сурчины на сурчину; два раза подъезжал я в меру, но ружье осекалось (оно было с кремнем); наконец, у самой деревенской околицы вздумал я завернуть на одно маленькое родниковое озерцо, в котором мочили конопли и на котором всегда держались утки. Только что я своротил с дороги и стал спускаться к уреме, как вдруг кучер мой, как-то оглянувшись назад, закричал: «Волки, волки!» — и осадил лошадей. Я обернулся: два волка неслись прямо на нас за двумя молодыми собаками, которые были со мною на охоте. Я сидел верхом на дрожках, но проворно перекинулся назад, лицом к запяткам, снял ружье, висевшее у меня за спиной, и развязал платок, которым был обернут замок, потому что шел мелкий дождичек. В самую эту минуту передний волк, гнавшийся по пятам за собакой, наскочив на самые дрожки, отпрыгнул и шагах в двадцати остановился, почти боком ко мне. Я мгновенно прицелился и выстрелил: волк взвизгнул, подпрыгнул от земли на аршин и побежал прочь, другой пустился за ним; собаки спрятались под дрожки; лошади

почуяли волков и подхватили было нас, но кучер скоро их удержал. Волки исчезли в небольшом, но крутоберегом вражке, называемомся и теперь Антошкин враг. Остановив лошадей, я зарядил поскорее своего испанца (так называлось мое любимое ружье) картечью, заряд которой как-то нашелся у меня в патронташе, и поскакал вслед за волками. Шагах в пятидесяти, в глубине вражка, один волк лежал, по-видимому, мертвый, а другой сидел подле него; увидев нас, он побежал прочь и, отбежав сажен сто, сел на высокую сурчину. Я, удостоверившись, что стрелянный волк точно издох, лег подле него во вражке, а кучеру велел уехать из виду вон, в противоположную сторону; я надеялся, что другой волк подойдет к убитому, но напрасно: он был, как собака, перебежал с места на место, но ко мне не приближался. Я вышел из моей засады, кликнул кучера и попробовал подъехать к волку; но он, не убегая прочь, держался в дальнем расстоянии. Делать было нечего, я остановился, положил ружье на одно из задних колес и выстрелил: мера была шагов на полтора. Вероятно, картечь слег-

ка задела волка, потому что он сделал прыжок и скрылся. Я воротился к убитому волку. Все это время я был в каком-то забытьи, тут только опомнился и пришел в такой восторг, какого описать не умею и к какому может быть способен только двадцатилетний горячий охотник. Убить волка, поехав стрелять вальдшнепов и тетеревов, возвращаясь домой, у самой околицы, без всяких трудов, утиной дробью, из ружья, которое перед тем осеклось два раза сряду... только охотники могут понять все эти обстоятельства и оценить мою тогдашнюю радость! И какой волк! Самый матерой, даже старый! Трудно было взвалить убитого зверя на дрожки, потому что лошади не стояли на месте, храпели и шарахались, слыша волчий дух; но, наконец, кое-как я перевалил волка поперек дрожек и привез в торжестве домой мою добычу. Полдеревни и вся дворня сбежались на такое зрелище, потому что мы с кучером кричали как сумасшедшие и звали всех смотреть застреленного волка. Рассказав не менее ста раз, всем и каждому, счастливое событие со всеми его подробностями, я своими руками стащил

волка к старому скорняку и заставил при себе снять с него шкуру. Я положил волку двадцать четыре дробины под левую лопатку. Волк был необыкновенно велик и сыт; в одной его ноге нашли два железных жеребья, давно заросшие в теле. Очевидно, что он был стрелян. Желудок его оказался туго набит свежим свиным мясом вместе со щетиной. По справке открылось, что в это самое утро эти самые волки зарезали молодую свинью, отбившуюся от стада. И теперь не могу я понять, как сытые волки в такое раннее время осени, среди дня, у самой деревни могли с такой наглостью броситься за собаками и набежать так близко на людей. Все охотники утверждали, что это были *озорники*, которые *озоруют* с жиру. В летописях охоты, конечно, можно назвать этот случай одним из самых счастливейших.

СТРАННЫЕ СЛУЧАИ НА ОХОТЕ

Некоторые из случайностей ружейной охоты, рассказанные мною в моих охотничьих записках, как-то: улетевший селезень-широконоска, лежавший мертвым несколько часов в ящике охотничьих дрожек, тетерева, улетавшие с разбитыми задами и висящими из них кишками, и пр. и пр. — могли показаться, особенно не охотникам, неправдоподобными, потому что охотники имеют репутацию людей, любящих *красное словцо*. Но, не убоясь такой репутации, я расскажу, преимущественно для охотников, еще несколько случаев, которые покажутся также невероятными, хотя они буквально справедливы.

Выстрелил я однажды в кряквовного селезня, сидевшего в кочках и траве, так что видна была одна голова, и убил его наповал. Со мною не было собаки, и я сам побежал, чтобы взять свою добычу; но, подходя к убитой птице, которую не вдруг нашел, увидел прыгающего бекаса с переломленным окровавлен-

ным крылом. Должно предположить, что он таился в траве около крякового селезня и что какая-нибудь боковая дробинка попала ему в косточку крыла.

Точно так же выстрелив с поперека в летящего бекаса, шагах в сорока от меня, я дал промах; бекас крикнул, надал и понесся еще быстрее; но в то же время я увидел, что шагах в двадцати далее летевшего бекаса, по направлению выстрела, подпрыгивает дупельшнеп с переломленным крылом; собака бросилась и принесла мне его живого. Этот случай гораздо удивительнее первого: дупельшнеп должен был подвернуться под дробинку в той самой точке, где дробинка, пролетев гораздо далее, коснулась земли.

Вот еще случай, весьма замечательный и в то же время служащий убедительным доказательством, что смертельно раненные птицы очень далеко улетают сторяча и гибнут потом даром и что необходимо пристально наблюдать, если позволяет местность, каждую птицу, в которую выстрелил охотник. В послед-

нее время моей охоты я строго наблюдал это правило и нередко получал иногда добычу, которая ускользнула бы у другого охотника.

Дикие гуси редко посещали наш пруд. Но в одно жаркое лето, в июле, мельник прибежал мне сказать, что пятеро гусей (без сомнения, холостых) опустились на пруд и плавают между камышами в почтительном расстоянии от берегов. Я сел в лодку, и тот же мельник, пробираясь между зелеными высокими камышами, подвез меня к гусям в меру. Я ударил в них крупной дробью: одного убил наповал, а четверо остальных улетели вверх по реке Бугуруслан. Я вышел из лодки и вместе с другим охотником стал стрелять мелкую дичь по болотистым верховьям пруда. Не менее как через час мой товарищ увидел, что гуси летят назад, но только втроем. Я сейчас подумал, что, верно, четвертый гусь был ранен и где-нибудь упал; вместе с охотником я отправился, вверх по реке, его отыскивать. Отошед версты две, мы узнали от пастухов, что четверо гусей опускались на паровое поле, находившееся в полуверсте от реки, на покатоности ближней горы, долго сидели там и, на-

конец, улетели. Разумеется, мы пошли на паровое поле и скоро увидели, уже окруженного воронами и сороками, мертвого гуся. Без сомнения, когда гуси летели вверх по реке, раненый гусь стал ослабевать и пошел книзу, в сторону от реки, товарищи последовали за ним по инстинкту, и когда он опустился на землю или упал, то и они опустились, посидели около него и, видя, что он не встает, полетели опять, уже вниз по реке.

Подобные случаи повторялись со мною не один раз: я имел возможность иногда наблюдать своими глазами и во всех подробностях такие, для охотника любопытные, явления, то есть: как по видимому неподстреленная птица вдруг начнет слабеть, отделяться от других и прятаться по инстинкту в крепкие места; не успев еще этого сделать, иногда на воздухе, иногда на земле, вдруг начнет биться и немедленно умирает, а иногда долго томится, лежа неподвижно в какой-нибудь ямочке. Вероятно, иная раненая птица выздоравливает.

Я уже говорил в своих «Записках об уженье рыбы» о необыкновенной жадности щук

и рассказал несколько истинных происшествий, подтверждающих мое мнение. Вот еще два случая в том же роде. Первый из них так невероятен и похож на выдумку, что нельзя не улыбнуться, слушая его описание. Я даже не решился бы рассказать его печатно, если бы не имел свидетеля, И. С. Тургенева, вовсе не охотника до рыбной ловли, который на ту пору был у меня в деревне. В исходе мая 1854 года были поставлены на ночь обыкновенные удочки с крепкими лесами и крючками, насаженными рыбкою или земляными червями: ибо днем окуни брали мало, а по ночам попадались довольно крупные. На одну из таких удочек с червяком взял небольшой окунь и проглотил крючок в кутырь; на окунь взяла и заглотала также небольшая щучка, или щуренок, а его схватила поперек большая щука, с лишком в пять фунтов, и так увязила зубы в своей добыче, что рыбак без всякой осторожности вытащил ее из воды, никак не подозревая, чтобы крючок не вонзился в ее жабры; но когда он разглядел эту диковинную штуку, то поспешил принести щуку к нам. Она, вися на воздухе, не разжала зубов своих дорогой (рас-

стояние было с полверсты), и мы с Тургеневым сами отворили ей рот и потом произвели следствие над окунем и щуренком, который, взяв на окуня, как на насадку, сам сделался в свою очередь насадкою. Поводок был обыкновенный, то есть шелковый, и щуренок легко бы его перегрыз, но должно предположить, что окунь, который был для него несколько велик, так распер ему пасть или горло, что он не мог сжать рта и что именно в этом положении схватила его поперек большая щука, от чего рот щуренка разинулся еще больше. Когда нам принесли эту тройную добычу — щуренок оказался давно уснувшим и даже остамевшим; большая щука была совершенно здорова и даже не оцараплена.

После этого события уже почти не стоит рассказывать, что в том же году щука схватила пескаря, посаженного вместе с другими рыбками в кружок,[25] шагах в десяти от меня, крепко вцепилась зубами в сетку и подняла такой плеск, что, услышав его, мальчик, бывший со мною на уженье, подошел к кружку и, увидев эту проделку, вытащил кружок и щуку на берег. Мы также принуждены были

разжать ей палкой рот, чтобы она выпустила сетку; в щуке весило около трех фунтов, и сетка оказалась перегрызенною.

Перегрызенная щукою сетка кружка объяснила мне происшествие, которое случилось со мной года два тому назад (тогда неясно понятое мною) и которое кстати рассказать теперь рыбакам-охотникам для предупреждения их от подобных невзгод. Не помню хорошенько месяца, но, вероятно, в начале августа, потому что погода стояла еще жаркая, поехал я удить в верховье Репеховского пруда на речке Воре. Неизменный мой товарищ-рыбак встал ранее меня и был давно уже на месте. Когда я приехал, он показал мне пять славных окуней и только что выуженного им щуренка, которые ходили в кружке. Через полчаса кружок понадобился, чтобы посадить в него выуженного мной окуня; но каково было наше удивление и досада, когда, вытащив кружок, мы увидели, что в нем остался только один снулый окунь, как нарочно небольшой, а четырех больших и щуренка в кружке не оказалось. Рассмотрев его хорошенько, мы нашли дыру, в которую ушла вся

живая рыба. Кружок был новый, и мы не знали, как объяснить это происшествие: думали, что попались гнилые нитки или что щуренок перегрыз сетку. Клев был, против обыкновения, очень удачен, окуни брали крупные, и мы вознаградили свою потерю. Тем не менее товарищу моему очень было жаль своих крупных окуней. Теперь же, после нападения щуки на кружок, сейчас описанного мною, понятно, что не щуренок перегрыз сетку, а, вероятно, большая щука схватила снаружи которого-нибудь из окуней, прорвала несколько петель и, не задев за них зубами, ушла, испугавшись шумного и сильного плеска остальной рыбы (который мы слышали, но кружка не посмотрели), и что несколько окуней и щуренок воспользовались прорехою и отправились опять гулять в Ворю. Нравоучение этого рассказа состоит в том, что щук лучше не сажать в кружок, хотя прежде я делывал это часто без всяких дурных последствий, и что кружок, опущенный в воду с пойманною рыбою, надобно внимательно осматривать при каждом сильном плеске рыбы.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Вдобавок к рассказам о странных происшествиях на охоте я расскажу случай, который самому мне показался сначала каким-то снам или волшебством. Будучи еще очень молодым охотником, ехал я в исходе июля, со всем моим семейством, на серные Сергиевские воды; в тридцати пяти верстах от нашего имения находилось и теперь находится богатое село Кротково, всеми называемое Кротовка. Проехав село, мы остановились у самой околицы ночевать на прекрасной родниковой речке, текущей в высоких берегах. Солнце садилось; я пошел с ружьем вверх по речке. Не прошел я и ста шагов, как вдруг пара витютинов, прилетев откуда-то с поля, села на противоположном берегу, на высокой ольхе, которая росла внизу у речки и вершина которой как раз приходилась на одной высоте с моей головой; близко подойти не позволяла местность, и я, шагах в пятидесяти, выстрелил мелким бекасинником. Для такой дробы расстояние было далеко; оба витютина улетели, а с дерева упала крестьянская девоч-

ка... Всякий может себе представить мое положение: в первое мгновение я потерял сознание и находился в переходном состоянии человека между сном и действительностью, когда путаются предметы обоих миров. По счастью, через несколько секунд девочка, с большим бураком[26] в руках, вскочила на ноги и ударилась бежать вниз по речке к деревне... Не стану распространяться в описании моего испуга и изумления. Бледный, как полотно, воротился я к месту нашего ночлега, рассказал происшествие, и мы послали в Кротовку разведать об этом чудном событии; через полчаса привели к нам девочку с ее матерью. По милости божией, она была совершенно здорова; штук тридцать бекасиных дробинок исцарапали ей руку, плечо и лицо, но, по счастью, ни одна не попала в глаза и даже не вошла под кожу. Дело объяснилось следующим образом: двенадцатилетняя крестьянская девочка ушла тихонько с фабрики ранее срока и побежала с бураком за черемухой, которая росла по речке; она взлезла за ягодами на дерево и, увидев *барина с ружьем*, испугалась, села на толстый сучок и так плотно при-

жалась к стволу высокой черемухи, что даже витютины ее не заметили и сели на ольху, которая росла почти рядом с черемухой, несколько впереди. Широко раскинувшийся заряд одним краем своего круга задел девочку. Конечно, велик был ее испуг, но и мой не меньше. Разумеется, мать с дочерью ушли от нас, очень довольные этим происшествием.

НОВЫЕ ОХОТНИЧЬИ ЗАМЕТКИ

Весною 1855 года, после выхода этой книжки, случилось мне собственными глазами увидеть то, о чем я прежде даже и не слыхивал и что рыбакам по ремеслу должно быть непременно известно. Я узнал, что щуки ежегодно в мае месяце переменяют зубы. Охотник, занимавшийся исключительно ловлею щук на жерлицы и сообщивший мне это известие, показал мне несколько пойманных им щук, у которых старые зубы, ослабев в своих корнях, потеряли всякую упругость, сделались мягки, повисли и лезли, как волосы, когда я слегка потирал внутренность щучьего рта моими пальцами в обыкновенной перчатке. Из-под старых, еще не выпавших зубов

торчали уже новые, тонкие и острые, но еще мягкие. Вот в это-то время щуки, ловя рыбу, нередко только портят ее, а удержать по слабости зубов не могут, и вот отчего именно в это-то время года часто случается рыбакам видеть рыб, хватанных щуками. Разумеется, дело идет о рыбе несколько покрупнее; мелкую же щуки могут глотать и вовсе без помощи зубов. Насадка на жерлицах также в эту пору часто бывает измята и даже не прокушена до крови.

Хотя я знал, что кошки едят рыбу, но никогда не слыхал и не видал, как они производят эту охоту. Третьего мая 1855 года сидел я очень тихо на берегу небольшого проточного пруда, где брали окуни и лини. Около противоположного берега, уже обросшего травой, била икру плотва и для того выбрасывалась в траву у самого берега. Вдруг я вижу, что большая пестрая кошка осторожно подкрадывается, ползет и прячется, растянувшись в самой береговой траве. Так всегда поступают кошки, выжидая своей добычи. Я стал смотреть пристально. Плотва продолжала метать икру и

выкидываться на траву — кошка бросилась, схватила одну плотичку и унесла ее во рту. Я указал на эту проделку садовнику, который недалеко от меня копался в своих грядках; он нисколько не удивился, а, напротив, рассказал мне, что рано по утрам, когда еще нет народу, всякий день выходят на этот промысел кошек шесть и более, располагаются по удобным местам вдоль берега и ловят рыбу.

Недавно узнал я от одной достоверной особы, что в Калужской губернии, на реке Оке, производится с большим успехом следующее уженье. В июне месяце появляется, всего на неделю, по берегам Оки великое множество беленьких бабочек (название их я позабыл). Рыбаки устраивают на песках гладкие точки и зажигают на них небольшие костры с соломой; бабочки бросаются на огонь, обжигаются и падают, их сметают в кучки и собирают целыми четвериками. Обгорелых бабочек крепко сминают с хлебом или тестом и шариками этой смеси насаживают крючки. Рыба берет на такую насадку с необыкновенной жадностью, и очень крупная: язи, головли, лещи и

даже окуни и судаки. Таким образом, в самое пустое время выходит славное и добычливое уженье. Должно заметить, что окуни и судаки на хлеб никогда не берут, следовательно вся приманка заключается в бабочках.

Вот еще достоверный рассказ, относящийся уже к птицам. По соседству от меня в одной деревушке, называющейся Коростелево, одна крестьянка подложила под курицу двенадцать кряковных яиц; утята вывелись, воспитались в стае русских утят и привыкли вместе с ними есть корм. Должно заметить, что это случай редкий; обыкновенно утята, выведшиеся из яиц диких уток, сейчас пропадают. Осенью корму понадобилось больше, и, чтоб не тратиться даром, крестьянка продала восемь утят, а двух молодых селезней и двух уток оставила на племя, но через несколько недель они улетели и пропали. На следующую весну беглецы воротились на тот же пруд и стали по-прежнему жить и есть корм с дворовыми утками. Осенью одна пара опять улетела, а другая осталась зимовать, а в следующую весну утка нанесла яиц и вывела де-

сять утят, из числа которых я сам купил четырех. Крестьянка опять оставила пару, и потомство их совершенно смешалось и ничем уже не отличалось от русских уток. Итак, только в третьем поколении порода диких уток совершенно потеряла память о своем вольном житье; купленные же мною молодые утки, принадлежавшие ко второму поколению, еще отличались от дворовых как своею наружностью, так и нравами: они были бойчее, проворнее, как-то складнее и пугливее домашних уток, часто прятались и даже пробовали несколько раз уходить. Крылья были подрезаны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это третий цикл охотничьих произведений Аксакова. Он имеет свою историю. Первоначально многие из включенных а него рассказов были предназначены для задуманного писателем в 1853 году «Охотничьего сборника». В соответствии со специально разработанной Аксаковым программой в «Сборнике» предусматривалась публикация художественных и публицистических произведений, «относящихся ко всем родам охоты без исключения». К изданию имелось в виду привлечь не только писателей, но и ученых. Характерно в этом отношении письмо родственника С. Т. Аксакова, Александра Михайловича Бутлорова — тогда еще молодого ученого, впоследствии знаменитого химика: «Очень я порадовался, милый дяденька, Вашему намерению издавать «Охотничий сборник». Быть может, и нам удастся принести что-нибудь в общую кассу» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, д. № 15, лл. 9 об. — 10).

В конце концов «Охотничий сборник» не был разрешен. Истинная причина запрета,

оставшаяся неизвестной даже самому Аксакову, ныне достаточно прояснена. Так называемое «дело» Аксакова в III Отделении сыграло здесь роковую роль (см. вступительную статью к т. 1 наст. изд.).

Словно предвидя возможность того, что идея с периодическим «Охотничьим сборником» «захряснет» где-то в высоких инстанциях, Аксаков вынашивал мысль об ином использовании обещанных различными авторами, а частично уже и подготовленных материалов. В письме от 30 апреля 1853 года он поделился своими новыми планами с Тургеневым: «В случае положительного отказа я все-таки выдам большой том — «Собрание статей о различных охотах» разных сочинителей» («Русское обозрение», 1894. № 9, стр. 36). Однако и эта идея оказалась неосуществленной. Одни авторы, посулившие Аксакову свое сотрудничество (Ю. Самарин, А. Хомяков), вовсе не сдержали своих обещаний. Другие выполнили свои обязательства лишь частично. Тургенев, например, вместо двух очерков прислал один — «О соловьях» — и тот с опозданием.

В конце концов пришлось отказаться от мысли о коллективном сборнике. Аксакову ничего другого не оставалось, как подготовить книгу, состоящую исключительно из его собственных произведений. 10 ноября 1853 года он писал Погодину: «Главное управление цензуры сначала позволило, а потом запретило издание «Охотничьего сборника», а у меня первый том уже написан почти одним мною» (Л. Б., ф. Погодина, II 1/59). Погодин в ответ предложил Аксакову напечатать на страницах «Москвитянина» все его произведения, предназначенные для «Охотничьего сборника», Аксаков отклонил это предложение. «Материалы «Охотничьего сборника», — писал он, — не могут быть все помещены в «Москвитянине», ибо многие статьи только потому имеют достоинство, что помещены вместе с другими, подле них. Например, есть у меня наблюдение за 15 лет о прилете и отлете дичи в Оренбург. губ.; для настоящего охотника это интересно, а для всякого другого читателя — пустяки. Читатели литературного журнала вправе роптать за помещение таких статей, которых у меня довольно, а потому я не

оставляю намерения издать через год целый том статей о различных охотах. Через неделю, однако, я пришлю вам статью для «Москвитянина» «О травле ястребами перепелок» — охота слишком специальная, но статья, кажется, так написана, что должна понравиться и не охотникам» (письмо от 29 ноября 1853 г., Л. Б., ф. Погодина, II 1/59). Из цикла своих новых охотничьих произведений Аксаков представил Погодину для его Журнала лишь три рассказа: «Охота с ястребом за перепелками» («Москвитянин», 1854, т. I, Смесь, стр. 10–30), «Охота с острогою» и «Ловля шатром тетеревов» (там же, т. V, Смесь, стр. 159–176).

В 1855 г. Аксаков выпустил свои рассказы отдельной книгой, озаглавив ее: «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах». К сборнику был приложен очерк Тургенева «О соловьях». На этот счет у обоих писателей была специальная договоренность. 18 октября 1854 года Аксаков писал Тургеневу: «Рукопись моя «Рассказы и воспоминания о разных охотах» должна была поступить в цензуру в самых первых числах ноября. Но я очень рад

подождать ваших статей хоть целый месяц; они украсят мою книжку и придадут ей разнообразие, которого именно ей недостает» («Русское обозрение», 1894, № 11, стр. 19).

Третья по счету охотничья книга Аксакова принесла автору много творческих радостей. Сравнительно с предшествующими двумя книгами в этой элемент художественный играл несравненно большую роль. Новая книга была уже почти совершенно свободна от утилитарных, «специально охотничьих» элементов и приобретала характер свободного художественного повествования. Некрасов назвал ее «прекрасной книгой, исполненной дельных охотничьих заметок и наблюдений, живописных картин природы, интересных анекдотов и поэзии» (Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М. 1950, стр. 255).

Выдающиеся художественные достоинства новых охотничьих произведений Аксакова отмечал и Тургенев. После появления в «Москвитянине» рассказа «Охота с ястребом за перепелками» Аксаков попросил его прочитать «на досуге» этот рассказ и высказать о нем свое «мнение без всякого снисхождения

и ласки старому... приятелю». «Ведь я серьезно боюсь, — продолжал Аксаков, — чтобы мне не заболтаться на старости; трудно уловить ту минуту, когда неминуемо начнешь глупеть и станешь принимать желание приласкать старика за наличную монету» («Русское обозрение», 1894, № 11, стр. 10). Тургенев тотчас же ответил, что рассказ «не прочел, а проглотил целиком», и добавил: «Это превосходная вещь — и написана тем славным русским языком, которым вы один владеете» («Вестник Европы», 1894, № 2, стр. 481). Очерк «Охота с ястребом за перепелками» был восторженно оценен и Чернышевским. Прочитывав в одной из своих статей несколько строк, рисующих тревогу мелких птиц, которые почувяли ястреба, он воскликнул: «Что может быть живописнее этого описания! А глупые тетерева, утки, дупели, вальдшнепы, гаршнепы и им подобные и не подозревают, что судьба наделила их таким историком, как г. Аксаков; не подозревают, что в описаниях г. Аксакова они лучше, красивей и вкуснее, нежели на самом деле. Какой-нибудь дрянной ястреб, способный напугать одних воро-

бьев, доставляет нам столько удовольствий, и все потому, что его описывает г. Аксаков» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XVI, М. 1953, стр. 26).

Касаясь в письме к А. И. Панаеву в 1855 г. необычайного успеха своих охотничьих сочинений, Аксаков не без гордости заметил: «Вообще все три мои охотничьи книги продолжают расходиться очень хорошо, и к великому удовольствию моему вижу, что они проникли во все слои общества и что их читали все что-нибудь читающие люди» (ИРЛИ, Р-1, оп. 1, д. № 10. л. 5 об.).

Не прошло и года, как «Рассказы и воспоминания о разных охотах» вышли вторым изданием (М. 1856). В книгу были внесены некоторые исправления и дополнения. В настоящем собрании текст печатается по второму, последнему вышедшему при жизни Аксакова изданию, с устранением неисправностей и опечаток.

Стр. 376. **Бюффон** Жорж Луи Леклерк (1707–1788) — французский естествоиспытатель.

Стр. 391. *Я рассказал в «Записках ружейного охотника»...* — см. в наст. томе, стр. 262.

Стр. 413. *Я упомянул в моих «Записках ружейного охотника»...* — см. в наст. томе, стр. 257.

Стр. 418. *Я уже говорил в своих «Записках об ужении рыбы»...* — см. том 4 наст. изд., стр. 396–397.

Note1

Или вентели, которые в Можайском уезде называются жохами.

[^^^]

Note2

Около Москвы плетут нерота круглые, но это неудобно: они неплотно ложатся на дно и вставляются в язы, и дыры надо затыкать лапником, то есть ветвями ели.

[^^^]

Note3

Кутнею называется длинная клетка из сетки, разгороженная на три отделения или клетки же; в средней сидят живые воробьи для приманки, а две боковые имеют спускные дверцы также из сетки, которые поднимаются и настораживаются, как в чепках. Молодой ястреб (слеток), увидев воробьев, бросается к ним через которую-нибудь боковую клетку, тронет сторожок, дверца опустится — и ястреб пойман. Иногда попадаются и старые ястреба, но очень редко.

[^^^]

Note4

Нагавками, или обносцами, называются суконные или кожаные, но подшитые тоненьким суконцем онучки, шириною в большой палец, которыми обертывают просторно, в одну рядь, ноги ястреба; на онучках, то есть нагавках, нашиты опутинки, плетеные тесемочки волос в тридцать, длиною четверти в полторы; каждая опутинка нижним концом своим продевается в петельку, пришитую к нагавке, затягивается и держится крепко и свободно на ноге. Должник — тонкий ремень, или, пожалуй, снурок, аршина в полтора длиною, наглухо пришитый к охотничьей рукавице. Должник устроен довольно затейливым образом: другой конец его прикрепляется к железному пруту, вершка в два с половиною длиною; прут просовывается весьма свободно в круглое отверстие костяной дощечки, просверленной на середине (длинною вершка в два, а шириною в палец), и держится в дощечке на широкой шляпке, какая бывает у большого гвоздя; к обоим концам косточки прикреплен своими концами реме-

шок (в четверть длиною), вытянутый посредине кверху; он составляет острый треугольник, которому основанием служит дощечка; к верхнему острому углу ременного треугольника привязываются простою петлею обе опутинки; стоит дернуть за их концы — петля развяжется, и ястреб может лететь. — Само собою разумеется, что охотничьи названия всех уборов хищных птиц могут называться различно в разных местах России и что уборы эти бывают роскошны и бедны. Драгоценная книга царя Алексея Михайловича, глаголемая: «Урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути», показывает, как великолепно убирали соколов и кречетов: «И мало поноровя, подсокольничий молвит: начальные, время наряду и час красоте. И начальные емлют со стола наряд: первый, Парфентий, возьмет клубочок, по бархату червчатому шит серебром с совкою нарядною; второй, Михей, возьмет колокольцы серебряны, позолочены; третий, Леонтий, возьмет обнасцы и должик (должник) тканые с золотом волоченым. И уготовав весь наряд на руках, подошед к подсокольничему, начальные со-

кольники наряжают кречета». Очевидно, что колокольцы (бубенчики) всякий раз, когда нужно, привязывались к ногам ловчих птиц.

[^^^]

Note5

Обыкновенно для вабила употребляется крыло какой-нибудь птицы (всего лучше голубиное), оторванное с мясом: охотнику ловко держать в руке папоротку крыла, которое не должно быть ощищено.

[^^^]

Note6

Вачик — холщовая или кожаная двойная сумка; в маленькой сумке лежит вабило, без которого никак не должно ходить в поле, а в большую кладут затравленных перепелок.

[^^^]

Note7

В малоснежные зимы хлебные жнивы и озими иногда до февраля мало бывают покрыты снегом, и тетерева по привычке продолжают летать на них для отыскивания корма. В теплые же зимы, по мнению охотников, тетерева мало едят и довольствуются одними древесными почками. В обоих случаях они не собираются в большие стаи. Что холод возбуждает аппетит у всех животных — это дело известное.

[^^^]

Note8

Однажды при мне тетерев сел на вершушку шалаша, провалился ногами и стал биться; охотник принужден был схватить его за ноги и протащить в шалаш, чтоб он хлопаньем крепких своих крыльев не перепугал тетеревов.

[^^^]

Note9

Мне случилось один раз видеть свалившихся тетеревов в ольшняковую урему по реке Усень (Оренбургской губернии Белебеевского уезда) в таком множестве, что только своим глазам можно было поверить. Это случилось в половине ноября.

[^^^]

Note10

Около норы часто находят кости бараньи, телячьи и даже кости коров и лошадей.

[^^^]

Note11

Тушканчик — земляной зайчик, величиною вчетверо менее обыкновенного зайца. Сидя на задних лапках у своей норы, по зарям утренним и вечерним и даже ночью, он громко свищет. Этот свист далеко бывает слышен в тихом воздухе. Зиму он проводит в норе, вероятно в таком же сне или оцепенении, как и сурок, вместе с которыми появляется весной. Я пробовал держать тушканчиков в клетках и ящиках с прорезными отверстиями, но они не ели травы, им в изобилии предлагаемой, и скоро умирали.

[^^^]

Note12

Я упомянул об этом в моих «Записках об уже-
ные рыбы», стр. 393. Эта щука попала в хвосту-
шу весной, в полую воду.

[^^^]

Note13

Известно, что псовые охотники проводят в отъезжих полях целые месяцы. Мокрая и сырая погоды считаются выгодными для этой охоты, но иногда так надоедают охотникам, что они радуются сильным морозам, делающим неудобною псовую охоту с гончими и борзыми собаками.

[^^^]

Note14

Точно так же горноста́й и ласка.

[^^^]

Note15

Я рассказал в «Записках ружейного охотника» о невероятной жадности и смелости ласки, поднимающейся с тетеревом на воздух и умерщвляющей зайца в снежной норе.

[^^^]

Note16

Верховыми называются те охотники, которые живут в верховьях Волги.

[^^^]

Note17

В отдаленных и глухих местах многие охотники до сих пор ставят волчьи капканы без всякой привязки: доставать цепь и якорь хлопотливо и дорого.

[^^^]

Note18

Удулом называется в Оренбургской губернии снег, сметаемый, придуваемый ветром к некоторым местам, отчего образуются крепкие снежные возвышенности и даже бугры.

[^^^]

Note19

Я знаю, что никто из псовых охотников не согласится с этим; знаю, что они смотрят с презрением на гоньбу зверей, что они хотят их травить, а не добывать, хотят любоваться резвостью, поимчивостью собак и проч. и проч. Все это справедливо; но о вкусах в охоте спорить не должно; скажу только, что продолжительной, упорной скачки несравненно больше в гоньбе, чем в травле, что в гоньбе охотник действует самостоятельнее, обходясь без помощи собак и ружья, и что, по словам многих, в то же время псовых охотников гоньба за зверем в одиночку горячит больше травли.

[^^^]

Note20

В Оренбургской губернии много есть лошадей, выведенных от башкирских маток и заводских жеребцов; эта порода отлично хороша вообще для охоты и в особенности для гоньбы за зверем.

[^^^]

Note21

Многие звероловы с этим не согласны.

[^^^]

Note22

В Оренбургской, а равно Казанской и Симбирской губерниях народ не знает слова русалка.

[^^^]

Note23

Так утверждает по крайней мере народ в Оренбургской губернии.

[^^^]

Note24

Нельзя ли объяснить отсутствие многих суеверных примет в Оренбургской губернии сводностью, разнохарактерностью русского народонаселения, утонувшего, так сказать, в населении туземном, состоящем из башкир, татар, мордвы, чуваш и прочих? От взаимного столкновения переселенцев из разных губерний как между собою, так и между туземными инородцами не могли ли потеряться заводные суеверия и приметы?

[^^^]

Note25

Мешок из сетки особенного устройства, о котором я говорил в моих «Записках об ужении рыбы».

[^^^]

Note26

Бураком называется круглая кадушечка из бересты, с дном и крышкой. В низовых губерниях отлично делают бураки, от самых крошечных до огромных, и употребляют их преимущественно для собирания ягод.

[^^^]